

Инеcса Голд

Попаданка:
ЗНАХАРКА
для его величества!

Инесса Голд

Попаданка: Знахарка для его Величества!

<https://litres.ru/74535499>

Аннотация

- Ты вытащила моего брата с того света, знахарка. Но это не значит, что я тебе доверяю, - произнес суровый государь, нависая надо мной и сверля тяжелым взглядом. - Ваше величество, - спокойно ответила я, глядя прямо в его стальные глаза. - Мне не нужно ваше доверие. Мне нужны чистые ткани, кипятик и право делать свою работу. Иначе завтра вы потеряете не только брата, но и половину двора.

Я была блестящим врачом-токсикологом в своем времени, а очнулась в ледяной темнице чужого, жестокого мира. В теле бесправной деревенской знахарки, которую на рассвете казнят за отравление княжеского брата. Истерика? Мольбы о пощаде? Оставьте это наивным девицам. Мой врачебный опыт подсказал: это не яд, а банальный угарный газ от новой печи. Я пошла ва-банк и заключила сделку с правителем - жизнь за жизнь.

Теперь я - личный лекарь Его величества. Мои враги - антисанитария, невежество и влиятельные бояре, желающие мне смерти. За мной по пятам ходит пугающий и циничный глава тайного сыска, пытаюсь разгадать мои тайны. А сам князь,

уставший нести бремя власти, с каждым днем смотрит на меня всё пристальнее.

Я давно закрыла свое сердце и не собиралась влюбляться. Но когда на княжество обрушится смертельная эпидемия из будущего, мне придется применить все свои знания, бросить вызов самой смерти и рискнуть всем, чтобы спасти того, без кого этот чужой мир не имеет для меня смысла.

В тексте будут: ✓# Адекватная, взрослая героиня (врач, добивающаяся всего умом) ✓# Сильный, властный, но справедливый герой (никаких истерик и самодурства) ✓# Опасный любовный треугольник и интеллектуальное противостояние ✓# Обустройство, прогрессорство и настоящая медицина (без магии!) ✓# Дворцовые интриги, тайны прошлого и борьба за выживание ✓# Глубокие, зрелые чувства и эмоции на грани

Содержание

Глава 1. Угарный газ и цена жизни	5
Глава 2. Хруст чужих ребер	16
Глава 3. Взгляд Государя (Всеволод)	29
Глава 4. Бактерии и мракобесие	38
Глава 5. Протокол питания и первый враг	48
Глава 6. Лекция для палача	59
Глава 7. Анатомия власти	71
Глава 8. Свинцовая красота	82
Глава 9. Перегонный куб	90
Глава 10. Триггер из прошлого	100
Глава 11. Перец и сталь	109
Глава 12. Карта империи	118
Глава 13. Нулевой пациент	126
Глава 14. Красная зона	137
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Глава 1. Угарный газ и цена жизни

Остановка сердца ощущается вовсе не как ослепительная вспышка или внезапный обрыв киноплёнки, как это любят показывать в дешёвых мелодрамах. Это просто тяжёлая, душная бетонная плита, которая медленно и неотвратимо ложится на твою грудную клетку, спрессовывая лёгкие до состояния тонкого бумажного листа. Я отлично помнила резкий химический запах больничного антисептика, сухой щелчок дефибриллятора в руках коллеги и мерзкий, тягучий непрерывный писк кардиомонитора. Тот самый звук, который возвестил всему отделению, что блестящий клинический фармаколог и токсиколог Алена Тополева завершила свой земной путь в возрасте сорока пяти лет прямо на рабочем месте. Обширный инфаркт миокарда на фоне тотального, многолетнего хронического переутомления.

Но в современных реанимационных палатах не пахнет старой мочой, слежавшейся гнилой соломой, спорами плесени и ржавым железом. И там точно не бывает такого ледяного, пробирающего до самых костей могильного сквозняка.

Мозг, выдрессированный годами работы в экстренных ситуациях, включился раньше, чем я рискнула открыть глаза. Паники не было. Когда ты десять лет назад похоронила собственную единственную дочь, умершую от стремительного анафилактического шока на твоих же руках, а потом молча

пережила развод и добровольно превратила себя в бездушную медицинскую машину, бояться смерти становится просто смешно. Я умерла там, в своем мире. Это был зафиксированный медицинский факт. Значит, то место, где я нахожусь сейчас - это новая вводная, которую нужно проанализировать.

Я сделала осторожный, пробный вдох. Ребра тут же отозвались тупой, но вполне терпимой болью. Переломов нет. Медленно, контролируя каждое микродвижение, я провела руками по своему телу. Кожа была чужой. Мышцы под ней ощущались непривычно молодыми, плотными, но критически истощенными. Пальцы покрывали грубые, застарелые мозоли, которых у врача высшей категории не может быть в принципе - это были руки человека, годами ковырявшегося в жесткой земле и стиравшего белье в ледяной воде.

На мне было надето нечто вроде примитивного суконного мешка с прорезями для головы и рук. Ткань нещадно колола воспаленную кожу при каждом движении. Нижнего белья не обнаружилось вовсе. Пальцы привычно легли на сонную артерию на шее. Пульс - около девяноста ударов в минуту. Температура воздуха - не выше десяти градусов по Цельсию.

Я заставила себя сесть, прислонившись ноющей спиной к склизкой, влажной каменной стене, и наконец открыла глаза. Вокруг стояла абсолютная, непроницаемая темнота. Каменный мешок. Жить можно. Вопрос только - зачем и как долго.

Ответ на этот сугубо философский вопрос пришел минут

через десять. В конце невидимого коридора лязгнул тяжелый металл. Звук отодвигаемого, плохо смазанного засова с грохотом ударил по барабанным перепонкам. В образовавшуюся под потолком щель хлынул тусклый, дрожащий желтоватый свет.

По выщербленным каменным ступеням спустились двое. Впереди тяжело ступал здоровенный детина в засаленной кожаной безрукавке поверх грязной льняной рубахи, держащий в вытянутой руке мутный слюдяной фонарь. А вот второй визитер заставил меня мгновенно подобраться и сфокусировать зрение.

Он двигался абсолютно бесшумно, с расчетливой грацией сытого, уверенного в себе хищника. Никаких расшитых золотом парчовых камзолов или нелепых кружевных воротников, которые я смутно помнила по историческим фильмам. На нем был строгий, идеально подогнанный по широкой фигуре кафтан из очень плотной темной шерсти. Я машинально, как исследователь, отметила: такая ткань не только отлично держит тепло в неотапливаемых замках, но и способна надежно смягчить скользящий удар кинжалом. Широкий кожаный пояс с массивной серебряной пряжкой перетягивал талию, на поясе покоились ножны.

Лицо у мужчины было спокойным, черты резкие, словно вытесанные из мореного дуба мастером, который не терпел излишеств. Никакой садистской ухмылки или торжества. Этот человек явно пришел сюда не наслаждаться моей бес-

помощностью, он пришел делать свою рутинную, грязную работу. От него едва уловимо пахло дорогим пчелиным воском, лошадиным потом и качественным оружейным маслом.

- До рассвета меньше часа, Серафима, - произнес он, оставившись в двух шагах от меня. Голос оказался глубоким, ровным и абсолютно безразличным к моей судьбе. - Государь Всеволод не склонен к милосердию, когда дело касается покушения на его родную кровь.

Я молчала, жадно впитывая и структурируя информацию. Серафима. Значит, именно так зовут ту несчастную деревенскую женщину, чье забитое тело я заняла. Государь. Рассвет. Смертная казнь. Клиническая картина моей новой жизни прояснялась с пугающей скоростью.

- Кто тебе заплатил? - мужчина сцепил руки в плотных перчатках за спиной, рассматривая меня сверху вниз. - Кто велел подсыпать отраву в вино княжича Ярополка?

- Отраву? - мой новый голос прозвучал так хрипло, словно голосовые связки долго терли битым стеклом.

- Не придирайся, ведьма, - процедил он. Без театрального гнева, скорее с профессиональной чиновничьей усталостью. - Твои травы нашли на дне кубка. Ярополк не доживет до полудня. Я глава тайного сыска, Гавриил Казаков. Мое время стоит дорого, а твое уже почти вышло. Скажи мне имя заказчика, и я обещаю, что тебе не будут дробить кости на колесе на потеху черни. Мой человек просто свернет тебе шею прямо здесь. Это быстро и почти не больно.

Щедрое предложение. В моем родном времени за умышленное убийство давали пожизненный срок, здесь же - предлагают выгодный бартер на легкую смерть в обмен на признательные показания.

Я чуть приподняла подбородок, глядя прямо в его холодные, потемневшие от недосыпа глаза.

- Мне нужна вода, - совершенно спокойно сказала я, не меняя сухой интонации.

Конвоир с фонарем шагнул вперед и коротко, с профессиональным оттягом ударил меня наотмашь свободной рукой. Кулак впечатался в скуловую кость. Голова резко дернулась, затылок больно ударился о холодный камень стены, а слезистая рта порвалась о собственные зубы. Во рту мгновенно разлился знакомый солоноватый привкус железа.

В отделении острой токсикологии буйные пациенты в состоянии тяжелого наркотического психоза били меня и сильнее. Я даже не моргнула. Медленно, методично сплюнула вязкую кровь на грязный пол камеры, вернула взгляд на Гавриила Казакова и позволила своему лицу принять то самое выражение, с которым обычно сообщала убитым горем родственникам о летальном исходе в коридорах больницы. Это было ледяное, отстраненное превосходство ученого над обывателем.

Гавриил чуть прищурился. Он поднял руку в черной перчатке, останавливая стражника, уже готового нанести мне второй удар. Глава тайного сыска был далеко не глуп. Он

безошибочно считал дикое несоответствие: забитая деревенская знахарка, которая, вероятно, еще вчера валялась у него в ногах, рыдала и умоляла о пощаде, не должна так смотреть на своего палача. В моем взгляде не было ни капли первобытного страха. Только холодный, препарирующий расчет диагноста.

- Как именно он умирает? - спросила я, полностью проигнорировав выпад охранника и стерев кровь с подбородка тыльной стороной грязной ладони. - Симптоматика. Опиши мне, что с ним сейчас происходит.

Гавриил нахмурился. На его лице мелькнула тень замешательства, быстро сменившаяся острой подозрительностью.

- К чему ведьме такие тонкости? - он сделал шаг ближе, вторгаясь в мое личное пространство, возвышаясь надо мной мощной скалой и пытаясь задавить своим авторитетом. - Он умирает тяжело. И в этом исключительно твоя вина.

- Если ты действительно хочешь докопаться до истины, глава сыска, то выключи эмоции и включи память, - жестко парировала я.

Я больше не играла роль испуганной Серафимы. Я вела опрос ключевого свидетеля.

- Кровь горлом шла? Судороги были? Зрачки расширены или сужены в точку? Как выглядит его кожа? Отвечай.

Тишина в камере стала вязкой, почти осязаемой. Стражник открыл рот от подобной наглости, но Гавриил молча сверлил меня взглядом, в котором боролись уязвленная гор-

дость аристократа и инстинкт ищейки. Инстинкт сыщика победил. Ему позарез нужны были ответы, а состояние княжича явно не укладывалось в привычную двору картину отравления мышьяком или вытяжкой из цикуты.

- Крови нет, - медленно, взвешивая каждое произносимое слово, ответил Гавриил. - Его рвало полночи. Жаловался слугам, что голова раскалывается, словно железным обручем стянули. А сейчас лежит в полном беспамятстве. Дышит со свистом, грудь ходит ходуном, но добудиться невозможно. И лицо...

Он запнулся на секунду, вспоминая недавние детали из покоев умирающего.

- Вишневое? - подсказала я, чувствуя, как внутри мозга запускается привычный, отточенный десятилетиями диагностический алгоритм. - Багрово-красного оттенка? Словно его ошпарили крутым кипятком, но при этом кожа на ощупь холодная?

Гавриил едва заметно вздрогнул. Его выдержка дала крошечную трещину.

- Откуда ты знаешь? - его рука машинально легла на потертую рукоять кинжала. - Твоя отравка варит кровь заживо прямо в жилах?

Медицинский пазл окончательно сложился. Вишнево-красный цвет кожных покровов - классический, хрестоматийный маркер образования карбоксигемоглобина в организме. Угарный газ. Окись углерода. Яд, который не нужно

подсыпать в кубок с вином, потому что он сам находит свою жертву в закрытом, плохо вентилируемом помещении. Трагедия Серафимы, скорее всего безобидный сбор от желудочных колик, были просто трагическим совпадением, удобным фоном для настоящей катастрофы.

- Это не растительный яд. И не мышьяк, - я подалась вперед, полностью игнорируя ноющую ломоту в ребрах от холода. - Это мертвый воздух. Скажи мне, Казаков, в покоях Ярополка вчера топили печь? Кто-то из слуг поторопился и закрыл печную заслонку до того, как полностью прогорели угли, чтобы сберечь в комнате тепло?

В темных глазах Гавриила промелькнуло внезапное озарение, густо смешанное с шоком. Он определенно был отличным аналитиком своего сурового времени и умел мгновенно складывать разрозненные факты.

- Государь Всеволод велел поставить новую, голландскую печь в личных покоях брата на прошлой неделе, - медленно проговорил он, словно проверяя собственные слова на вкус. - Вчера к вечеру ударил первый сильный мороз. Слуги еще не привыкли к иноземной кладке.

- Значит, слуга, который спал в тех же покоях на полу, уже мертв. Или находится при смерти рядом со своим господином, - констатировала я непреложный физиологический факт, от которого нельзя отмахнуться. - Угарный газ стелется невидимо. Он лишен запаха. Этот газ вытеснил саму жизнь из его жил. Твой княжич задыхается изнутри, глава

сыска. И через полчаса ты лично понесешь его своему государю в сосновом гробу.

Я оперлась босыми ногами о ледяной пол, прижала ладони к шершавому камню стены и начала медленно подниматься. Мышцы Серафимы предательски дрожали от слабости и голода, суставы скрипели, колени норовили подогнуться, но я заставила себя выпрямиться во весь свой новый рост. Я оказалась ниже мощного Гавриила на полголовы, но смотрела на него сейчас так, словно это он был заперт в тесной клетке, а не я.

- Это не мои травы. Ваши местные лекари уже окончательно опустили руки, верно? Они наверняка пускают ему кровь пиявками, делают только хуже, убивая последние шансы, и никто из них не знает, что предпринять дальше.

Гавриил молчал, но плотно сжатые челюсти выдавали крайнюю степень его внутреннего напряжения. Я была в самую болезненную, уязвимую точку его профессиональной компетенции.

- Я предлагаю сделку, Казаков, - я намеренно назвала его просто по фамилии, отбрасывая в сторону весь положенный дворцовый политес. - Веди меня к нему. Немедленно. Я знаю, как выгнать этот яд из его тела. Если я ошибусь в своих выводах и Ярополк умрет - отдашь меня палачу, пусть ломает мне кости до самого заката. Но если княжич задышит... ты сохранишь мне жизнь.

Гавриил смотрел на меня не отрываясь. В слабом, мерца-

ющем свете слюдяного фонаря его резкое лицо казалось высеченным из серого гранита. Я видела, как за этими темными глазами крутятся шестеренки: он лихорадочно просчитывал риски. Отвести приговоренную к смерти ведьму-отравительницу прямо в покои умирающего брата государя - это грубейшее нарушение всех писаных и неписаных протоколов безопасности тайного приказа. За такую самодетельность можно запросто самому лишиться головы на плахе.

Но с другой стороны - он видел перед собой не бьющуюся в истерике сумасшедшую. Он видел собранную, жесткую женщину, которая только что с пугающей, невозможной точностью описала симптомы отравления, даже не выходя из этого темного подвала. И он прекрасно понимал, что Ярополк действительно балансирует на самом краю небытия. Терять ему, по сути, было нечего. Государь Всеволод разорвет на куски любого, кто не попытался использовать самый последний, пусть даже безумный шанс на спасение крови династии.

Гавриил сделал короткий шаг назад, высвобождая пространство. Задумчиво потер жесткий подбородок пальцами в скрипучей кожаной перчатке.

Его профессиональная интуиция ищейки буквально вопила о том, что в этом избитом женском теле сейчас находится совершенно другой, незнакомый ему разум. И этот разум представляет из себя огромную, пугающую, но потенциально бесценную для государства загадку.

- Поднять ее, - сухо, без лишних эмоций бросил Гавриил замершему немому стражнику. Затем перевел свой тяжелый взгляд обратно на меня. - Ведем в княжеские покои. А ты слушай внимательно, знахарка. Дернешься не в ту сторону или замыслишь худое - я лично вскрою тебе горло от уха до уха. И мне будет плевать, что на это скажет государь.

Я едва заметно кивнула, стирая кровь с подбородка и принимая жесткие правила игры этого столетия. Моя первая ставка в чужом мире была сделана. Теперь оставалось только выиграть партию у самой смерти. Снова. С голыми руками, босиком и в чужом теле.

Глава 2. Хруст чужих ребер

Молекула угарного газа связывается с гемоглобином в двести раз быстрее, чем кислород. Это чистая математика смерти, лишенная какой-либо мистики или злого умысла. Пока ищейка Гавриил Казаков конвоировал меня по узким винтовым лестницам из подземелья наверх, я мысленно отсчитывала минуты, прикидывая процент поражения тканей мозга Ярополка. Карбоксигемоглобин превращает человеческую кровь в густой, абсолютно бесполезный вишневый сироп, который больше не способен отдавать кислород клеткам. Человек просто задыхается изнутри, физически оставаясь в помещении, полном воздуха. Простая, жестокая физиология.

Каменные выщербленные ступени обжигали босые ступни ледяным холодом. Тело Серафимы, к которому я еще не успела адаптироваться, двигалось с тяжелой, деревянной грацией крайне истощенного человека. Мышцы спины ныли, суставы скрипели, а рассеченная о собственные зубы слизистая губы пульсировала солоноватой болью - последнее напоминание об ударе стражника в камере. Грубое, жесткое сукно платья-мешка нещадно натирало ключицы при каждом шаге. Но физическая боль сейчас работала как отличный якорь. Она не давала моему сознанию соскользнуть в спасительное безумие, отрезвляя лучше нашатыря. Я здесь.

Я врач высшей категории. У меня есть пациент, находящийся в терминальной стадии. Все остальное - где я, какой сейчас век и почему на мне нет нижнего белья - абсолютно вторично. Мой мозг, годами тренированный реагировать на писк кардиомонитора, уже перестроился в режим жесткого клинического протокола.

Мы миновали анфиладу полутемных коридоров. Стены здесь были затянуты плотными, пахнущими пылью гобеленами, призванными хоть как-то удерживать тепло в огромной каменной крепости. Гавриил шел чуть позади, его тяжелые сапоги ступали почти бесшумно. Я спиной, каждой нервной клеткой чувствовала его цепкий, препарирующий взгляд. Он не верил ни единому моему слову, но его профессиональное чутье следователя уловило аномалию: приговоренные к смерти забитые деревенские ведьмы не ведут себя так. Они не читают своим палачам лекции по токсикологии и не требуют встречи с государем. Я ломала его привычную картину мира с каждым своим спокойным шагом.

Двое широкоплечих стражников у высоких резных дверей скрестили алебарды, преграждая путь, но Гавриил коротко, едва заметно кивнул. Оружие с лязгом ушло в сторону. Тяжелые дубовые створки разошлись, впуская меня внутрь.

В лицо мгновенно ударила удушливая, плотная волна горячего воздуха. Разница температур между стылым подвалом и княжескими покоями составляла градусов двадцать пять, не меньше. Воздух здесь можно было резать тупым но-

жом: он смердел перекаленным кирпичом, плавленным пчелиным воском от десятков горящих свечей, застоявшимся человеческим потом и тем самым неуловимым, кислотовато-сладким запахом скорой смерти, который до тошноты знаком любому реаниматологу. Из-за резкого перепада давления и остаточной концентрации угарного газа у меня мгновенно застучало в висках.

В дальнем углу огромной комнаты, застеленной толстыми персидскими коврами, высилась причина развернувшейся катастрофы - массивная голландская печь, выложенная темно-зелеными блестящими изразцами. Заслонка была плотно задвинута, сберегая драгоценное тепло и методично убивая всех, кто находился внутри.

У массивной кровати с тяжелыми бархатными пологам стоял мужчина. Я узнала его сразу, методом банального исключения, хотя на нем не было ни короны, ни расшитых золотом парчовых одеяний, которыми так любят пестрить исторические сказки. Строгий, идеально скроенный темный кафтан из дорогой ангорской шерсти, расстегнутый ворот тонкой льняной рубахи. Крупные, жесткие черты лица словно вырублены топором из мореного дуба. Глубокие тени залегли в углах сурово сжатых губ. Государь Всеволод Бронзов не выглядел как сказочный небожитель. Он выглядел как живой, невероятно уставший человек, который не спал несколько суток и сейчас медленно, осознанно готовился наблюдать, как окончательно гаснет жизнь в теле его младше-

го брата. В его позе не было ни капли паники, никаких заламываний рук или истеричных молитв. Только глухая, тяжелая, железобетонная обреченность правителя, привыкшего терять близких.

Гавриил замер у дверей, отсекая мне путь к отступлению. Я шагнула вперед, не дожидаясь приглашения, разрешения или представления по титулам. Мой взгляд уже прикипел к пациенту.

На широкой перине метался Ярополк. Классическая, хрестоматийная клиническая картина предсмертной стадии тяжелого отравления. Его кожа приобрела жутковатый, неестественно яркий вишнево-красный оттенок. Дыхание было типично агональным - редким, очень поверхностным, с жутким хлюпающим звуком на выдохе. Мозг княжича уже начал отключать периферические системы, концентрируя ничтожные остатки кислорода вокруг останавливающегося сердца.

Рядом с постелью суетился щуплый, седой старичок в длинном многослойном балахоне. Местный светило медицины. В одной руке он держал широкую медную чашу, а в другой - короткий, подозрительно блестящий в неровном свете свечей ланцет.

- Какую вену вскрывать дозволите, ваше величество? - шамкал лекарь, деловито прицеливаясь к синюшному сгибу локтя Ярополка. - Дурная кровь кипит, выпустить надобно немедленно, дабы жар спал и демоны вышли.

Боже мой. Какое непроглядное, дремучее средневековье.

Я не стала тратить драгоценные секунды на дворцовый этикет или пространные объяснения. В три широких шага преодолев расстояние до кровати, я грубо ударила лекаря по руке ребром ладони. Медная чаша выскользнула из его старческих пальцев и с жалобным, протяжным звоном покати-лась по ковру.

- Пошел вон, - сухо, без единой эмоции бросила я, оттесняя его плечом. - Выпустишь ему хоть каплю крови - и он гарантированный труп через минуту. Ему нечем переносить кислород к мозгу.

Лекарь задохнулся от подобного возмущения, его морщинистое лицо пошло красными пятнами ярости. Стража у дверей угрожающе двинулась вперед, алебарды лязгнули. Это был явный конец моей короткой карьеры. Но Всеволод поднял руку. Одно короткое, скупое движение пальцев, не терпящее ни малейших возражений. Стражники замерли как вкопанные. Государь медленно повернул голову и перевел на меня свой тяжелый, как гранитная плита, взгляд.

- Ты обещала чудо, знахарка, - его голос оказался неожиданно низким и тихим, но от этого ледяного спокойствия по спине пробежал первобытный холодок. - Делай. Или тот ланцет, что ты сейчас отбила, перережет твою глотку прямо на этом ковре.

- Окна, - я резко указала рукой на высокие, узкие проемы в каменной стене. - Откройте их. Немедленно. Всю слюду нараспашку. Ему нужен холодный уличный воздух, иначе он

сдохнет.

- Ты с ума сошла, ведьма! - взвизгнул отброшенный мною лекарь, хватаясь за голову. - На дворе мороз великий! Стужа убьет его высочество вернее любой отравы! Окна наглухо заделаны воском до самой весны, их не открыть!

Я поняла, что спорить с местной системой мироздания бесполезно. Мой авторитет в этой душной комнате был равен нулю. Ярополк издал булькающий звук, его грудная клетка судорожно выгнулась и опала. Пульс на сонной артерии, который я инстинктивно нащупала двумя пальцами, превратился в едва уловимую, рваную, исчезающую нить.

Времени на дебаты больше не было.

Я круто развернулась, схватила с массивного дубового стола тяжелый литой канделябр - килограмма три потемневшей бронзы, не меньше - и, не раздумывая ни доли секунды, со всего размаху ударила им в центр ближайшего окна.

Толстая мутная слюда, укрепленная свинцовыми переплетами и слоями застывшего воска, лопнула с оглушительным, пугающим треском. Я ударила еще раз, ожесточенно выламывая раму. Острые осколки брызнули во все стороны, один из них чиркнул меня по запястью, но я даже не поморщилась, не чувствуя боли из-за выброса адреналина.

В образовавшуюся неровную дыру с жадным воем ворвался ночной зимний ветер. Резкий перепад температур мгновенно выбил из легких остатки затхлого, отравленного воздуха. Температура в комнате начала стремительно падать.

Пламя свечей истерично заметалось, зашипело и погасло, погрузив половину княжеских покоев в густые, дрожащие тени.

За спиной лязгнула сталь - стражники обнажили мечи. Это было уже прямое, неоспоримое покушение на жизнь члена княжеской семьи. Порча имущества государя и преднамеренное убийство холодом. Я ждала, что сейчас широкое лезвие просто снесет мне голову с плеч, но вместо этого услышала ровный, абсолютно безэмоциональный голос Гавриила:

- Стоять на местах. Государь приказа не давал.

Я бросила погнутый канделябр на пол и метнулась обратно к постели. Ярополк затих. Грудная клетка больше не двигалась. Мои пальцы снова впились в его шею.

Пульс исчез. Сердце встало. Клиническая смерть.

Мозг окончательно переключился в режим спасательной автоматики. Никаких сомнений. Никаких мыслей о том, в каком веке я нахожусь. Только голая механика выживания.

Я скинула с кровати тяжелые собольи одеяла, оставив Ярополка в одной тонкой влажной исподней рубашке. Затем, совершенно наплевав на то, что это ложе особы высшей крови, забралась на перину прямо с грязными босыми ногами. Встала на колени над безжизненным мужским телом.

- Что она творит... - выдохнул кто-то из слуг у дверей в благоговейном ужасе.

- Молчать, - процедил Всеволод. Он шагнул ближе, его

глаза неотрывно, с пугающим вниманием следили за каждым моим расчетливым движением.

Я быстро нащупала мечевидный отросток на нижней трети грудины княжича, отступила на два пальца вверх. Положила основание правой ладони на центр грудной клетки, левую кисть накрыла сверху, крепко сплетая пальцы в жесткий замок. Выпрямила локти, блокируя суставы.

Тело Серафимы оказалось катастрофически слабым. Непривыкшие к подобным специфическим нагрузкам мышцы рук предательски дрожали. Мне отчаянно не хватало собственной физической массы, чтобы продавить крепкую, тренированную мужскую грудную клетку на необходимые пять-шесть сантиметров. Пришлось использовать весь свой вес, ритмично приподнимаясь на коленях и тяжело падая всем корпусом на прямых руках.

Раз. Два. Три. Четыре.

Я считала вслух, задавая себе жесткий ритм ста нажатий в минуту. Мой голос звучал хрипло, ломаясь на каждом толчке. Каждое нажатие отдавалось тупой, тянущей болью в моих собственных плечевых суставах. Ледяной ветер из разбитого окна трепал мои грязные распущенные волосы, замораживая пот на лбу.

Пятнадцать. Шестнадцать. Семнадцать.

Искусственное кровообращение. Я буквально своими руками гоняла оставшуюся в его теле кровь по сосудам, заставляя ее захватывать ворвавшийся в комнату кислород. Я

должна заставить его затухающий мозг проснуться.

Двадцать один. Двадцать два.

Мои легкие горели огнем. Запястья онемели от ударов. Я чувствовала, как под моими ладонями подается плотная плоть, но этого было мало. Нужна большая компрессия, иначе кровь не дойдет до головы. Я стиснула челюсти, прокусив и без того израненную губу до свежего вкуса железа, и навалилась всем своим небольшим весом с удвоенной силой.

Хрусть.

Громкий, сухой, тошнотворный звук ломающейся кости разорвал напряженную тишину комнаты. Одно из нижних ребер Ярополка не выдержало моего усердия. Типичное осложнение при агрессивной реанимации.

- Она ломает ему кости! - истошно завопил лекарь, в панике пятясь к стене и осеняя себя крестным знамением. - Ведьма добивает его высочество! Смертоубийство!

Гавриил сделал резкий шаг вперед, его пальцы сжались на рукояти кинжала. Я боковым зрением видела, как напряглись скулы на лице Всеволода. Его брат буквально хрустел под руками какой-то сумасшедшей бабы. Еще секунда - и меня просто снесут с этой кровати одним ударом стали, навсегда закончив мою вторую жизнь.

- Стоять! - прорычала я, не смея прерывать массаж ни на мгновение. Адреналин бурлил в крови, вымывая остатки страха и оставляя только чистую, концентрированную злость. - Дыши, черт бы тебя побрал! Дыши!

Двадцать девять. Тридцать.

Я перестала замечать происходящее вокруг. Перестала чувствовать холод, стертые колени и боль в спине. Существовал только этот багровый человек подо мной, которого я отказывалась отдавать смерти. В моей прошлой реальности я потеряла собственную дочь, потому что не смогла купировать шок. Здесь, в этом застывшем во времени средневековом аду, я не собиралась сдаваться.

Раз. Два. Три. Четыре.

Очередной жесткий толчок в сломанное ребро.

И вдруг под моими онемевшими ладонями произошло неуловимое, но тектоническое изменение. Тело Ярополка судорожно, страшно выгнулось дугой, словно через его позвоночник пропустили мощный электрический разряд. Я едва успела отдернуть руки.

Княжич широко распахнул глаза, полные слепого, животного ужаса. Его рот открылся, втягивая в себя ледяной воздух из разбитого окна с громким, свистящим, булькающим хрипом. И тут же зашелся в мучительном, лающем кашле. Лицо исказила жуткая гримаса боли - сломанная кость немедленно дала о себе знать.

- Пульс, - прохрипела я самой себе, вцепившись грязными пальцами в его влажную шею.

Под подушечками моих пальцев билась упругая, частая, сумасшедшая живая волна. Сердце запустилось. Вишневый оттенок кожи начал медленно, но верно бледнеть, сменяясь

мертвенной, серой, но абсолютно естественной бледностью живого человека.

Он дышал. Сам. Вдох за вдохом.

В ту же секунду мой мозг официально зафиксировал победу, и адреналиновая блокада рухнула, оставив после себя лишь выжженную пустоту.

Резервы чужого тела оказались исчерпаны до самого дна. Мышцы Серафимы мгновенно превратились в бесполезную воду. Перед глазами поплыли темные круги, а в ушах зазвенело. Я не смогла удержать равновесие на мягкой перине. Мои колени предательски подогнулись, я беспомощно скользнула по шелковой простыне и с глухим, некрасивым стуком свалилась с высокой кровати.

Каменный пол показался обжигающе ледяным. Я больно ударилась плечом, но сил подняться, сесть или даже пошевелиться не было. Я так и осталась сидеть на полу у подножия кровати, привалившись ноющей спиной к резной деревянной ножке, тяжело, со свистом втягивая в себя морозный воздух. Руки тряслись мелкой, неудержимой дрожью. На грубом сукне моего изодранного платья темнели неряшливые пятна чужой слюны и моей собственной крови. Я выглядела не как спасительница, а как кусок выброшенного на берег мусора.

В покоях повисла звенящая, плотная тишина, нарушаемая только завыванием февральского ветра в разбитом окне и сдавленными стонами проходящего в себя Ярополка. Ни-

кто не смел произнести ни единого слова. Они только что своими глазами видели, как мертвец задышал после того, как ему методично ломали грудную клетку.

Я медленно, с огромным физическим трудом подняла тяжелую голову.

Прямо передо мной возвышался Всеволод Бронзов. Он стоял совершенно неподвижно, глядя на меня сверху вниз. В его потемневших глазах не было ни ожидаемой монаршей благодарности, ни священного религиозного трепета. Только холодный, безжалостный, препарирующий интерес умного хищника к пугающей аномалии, с которой он только что столкнулся. Он изучал меня так, словно я была не человеком, а неизвестным, смертельно опасным механизмом, внезапно заработавшим прямо в его покоях.

Я сглотнула вязкую слюну, чувствуя мерзкий металлический привкус на корне языка. Мои пальцы, перепачканные сажей, пылью и кровью, безвольно лежали на ледяном камне.

- Жить будет, - мой голос сорвался на глухой, каркающий сип, больше похожий на кашель сухоточного больного. Я заставила себя не отводить глаза и выдержать этот давящий, тяжелый взгляд государя. - Если ваши слуги снова не заделают раму и не закроют печную заслонку. А сломанное ребро... кости срастутся.

Лекарь в углу тихонько заскулил, зажимая рот дрожащими ладонями. Гавриил у дверей шумно выдохнул, и звук возвращаемого в ножны клинка показался оглушительным в

этой напряженной тишине.

Я ждала приказа. Ждала, что меня сейчас стража подхватит под руки и швырнет обратно в сырой подвал дожидаться окончательного решения, или, что было бы еще более нелепо, государь начнет осыпать меня золотом и титулами, как спасительницу княжеской крови.

Но Всеволод Бронзов не произнес ни единого слова.

Он продолжал стоять надо мной, неподвижный, как вытесанный из серого гранита истукан, слушая свистящее, но самостоятельное дыхание своего брата. В его долгом, нечитаемом молчании не было прямой угрозы, но в нем крылся окончательный приговор.

Казнь на рассвете отменялась. Это был медицинский и политический факт. Однако в эту самую секунду, сидя на ледяном полу в грубом суконном мешке у ног чужого правителя, я предельно ясно осознала одну вещь. Из одной тесной, темной темницы я только что, своими собственными реанимационными усилиями, перевела себя в другую. И выбраться из нее будет гораздо сложнее.

Глава 3. Взгляд Государя (Всеволод)

от лица Всеволода

Чудес не бывает. Мой жизненный опыт, щедро оплаченный кровью, предательствами и бессонными ночами, неопровержимо доказывал одну простую истину: любое внезапное чудо - это либо ловкий фокус уличного скомороха, либо хорошо замаскированная угроза.

Я смотрел на женщину, сидящую на ледяном каменном полу у подножия кровати моего брата, и пытался понять, с чем именно столкнулся.

Она не была похожа ни на святую заступницу, ни на коварную отравительницу. Жалкое, физически истощенное существо. На ней болтался грубый суконный мешок, в который наряжали смертников перед плахой. Ткань на плече порвалась при падении, обнажив острые, выпирающие ключицы. Рассеченная губа запеклась неряшливой темной коркой. Ее пальцы, перепачканные сажей, пылью и чужой слюной, безвольно лежали на камне, а плечи мелко, безостановочно тряслись от дикого мышечного перенапряжения. Она выглядела как кусок выброшенного на берег мусора, который по какой-то нелепой случайности оказался в покоях высшей знати.

Но все это жалкое впечатление разбивалось вдребезги о ее взгляд.

Она подняла на меня глаза, и в них не было ни капли рабского, первобытного страха, который я привык видеть у приговоренных к смерти. Никакого подобострастия. Никакой мольбы о пощаде. Это был тяжелый, абсолютно спокойный и препарирующий взгляд человека, который только что голыми руками починил сложный механизм и теперь придирчиво оценивает качество своей работы. Так смотрел хороший кузнец на выкованный клинок. Так смотрел опытный полководец на выигранное поле боя.

Она только что хладнокровно сломала ребро княжичу, чтобы заставить его сердце биться. И сейчас она диктовала мне условия, заявляя, что Ярополк будет жить, если мои слуги снова не запрут «мертвый воздух» в комнате.

- Убрать отсюда эту падаль, - сухо приказал я, не отрывая взгляда от знахарки, но указывая пальцем на скулящего в углу лекаря, который все еще сжимал свой бесполезный ланцет для кровопускания.

Стражники мгновенно подхватили седого старика под мышки и бесцеремонно вышвырнули за двери. В покоях стало дышать чуть свободнее, несмотря на морозный ветер, заывающий в разбитое окно.

Я перевел взгляд на Гавриила Казакова, замершего у входа. Глава моего тайного сыска был бледен, его рука все еще инстинктивно покоилась на рукояти кинжала.

- Ярополка переложить на сухие меховые шкуры, - мой голос звучал ровно, как заведенная пружина. - Окно завесить плотным гобеленом, чтобы княжич не замерз насмерть, но оставить щель в ладонь толщиной. Ему нужен воздух. А эту...

Я сделал паузу, оценивая женщину на полу. Ее веки начали тяжело опускаться, организм явно сдавался после предельного выброса сил.

- Эту поднять, - закончил я. - И отвести не в подземелье, а в теплую караульную клеть при сыском приказе. Дать ей чистой воды и горячей похлебки. И чтобы ни один волос с ее головы не упал, пока я не отдам отдельный приказ.

Гавриил коротко кивнул. Я видел, как расширились глаза стражников, когда им велели не тащить ведьму-отравительницу волоком по ступеням, а почти бережно поднять ее под руки. Женщина даже не сопротивлялась. Ее тело обмякло, она впала в то самое спасительное забытие, которое наступает, когда угроза смерти временно отступает.

Я развернулся и вышел из покоев в коридор, чувствуя, как адреналин медленно покидает мою собственную кровь, оставляя после себя свинцовую тяжесть в затылке. Анфилада встретила меня привычным холодом и запахом пыльных ковров. Гавриил вышел следом, плотно прикрыв за собой тяжелые створки дверей. Его сапоги ступали почти бесшумно.

- Государь, - тихо, но предельно жестко произнес глава сыска, поравнявшись с моим плечом. - Мои люди только что осмотрели слугу, который спал в покоях Ярополка у новой

печи.

Я повернул голову к Гавриилу.

- И?

- Мертв, - Казаков поджал губы. - Холодный как лед. Никаких следов борьбы, крови или пены у рта. Просто уснул и не проснулся. Но его лицо... оно багрово-вишневого цвета. В точности как у Ярополка час назад.

Я стиснул зубы так, что желваки отозвались тупой болью. Значит, знахарка была абсолютно права. Моего брата убивал не яд в кубке, не наемный убийца, подосланный продажными боярами, а простая печная заслонка и иноземная кладка. Невидимый, лишенный запаха мертвый воздух.

- Скорее всего, обычная человеческая глупость, - констатировал я непреложный факт, но тут же добавил: - Но найди и допроси с пристрастием того истопника, кто именно закрывал заслонку. Глупость отлично маскирует злой умысел.

- Исполню, государь. Но дозволю сказать прямо, - Гавриил перегородил мне дорогу, нарушая субординацию, на что имел право только в моменты крайней опасности. Его темные глаза лихорадочно блестели в неровном свете настенных факелов. - Эта женщина. Это не Серафима Плотникова.

Я вопросительно выгнул бровь, требуя продолжения.

- Я допрашивал ту деревенскую бабу вчера на закате, - быстро заговорил Казаков. - Она была обычной забитой девкой. Скулила, рыдала, ползала в ногах, клялась всеми святыми, что травы безобидные. А та, что сейчас ломала ребра

княжичу... Вы же сами видели ее глаза, Всеволод. В ней нет страха. Она смотрела на меня в камере так, словно это я сижу на цепи, а не она. Она назвала симптомы удушья газом, даже не выходя из подвала. В ней сидит чужой разум. Или бес, или опытный иноземный соглядатай, обученный убивать и спасать.

Я усмехнулся. В этой кривой усмешке не было веселья - только голая, вымороженная прагматика правителя, которому изо дня в день приходится держать свое княжество над пропастью.

- Мне плевать, Гавриил, - медленно произнес я, чеканя каждое слово. - Пусть это будет бес, оборотень или сам сатана в юбке. Мои хваленые лекари, на которых казна тратит пуды серебра, собирались выпустить Ярополку кровь и тем самым гарантированно вогнать его в гроб. А эта грязная баба заставила его дышать. Если ее разум способен видеть смерть насквозь - этот разум будет служить мне.

Я сделал шаг вперед, заставляя главу сыска отступить.

- Подними всех своих ищек. Подними церковные книги. Выверни наизнанку всю жизнь этой Серафимы. С кем говорила, у кого служила, кто мог ее подменить или натаскать. Мне нужна каждая крупица ее прошлого. Но саму ее пальцем не трогать.

Оставив Гавриила переваривать приказ, я вернулся обратно в покои брата. С момента чудесного воскрешения прошло около получаса, и мне нужно было лично убедиться, что

кризис действительно миновал.

Картина внутри была далека от тех благостных исцелений, о которых так любят слагать лживые баллады площадные певцы. Ярополк лежал на сухих шкурах. Его лицо потеряло жуткий вишневый оттенок, сменившись землистой, нездоровой серостью. Он тяжело, со свистом втягивал воздух сквозь стиснутые зубы. Рядом с кроватью стояла медная лохань, от которой несло кислой рвотой. Организм княжича мучительно избавлялся от последствий тяжелейшего отравления.

Услышав мои шаги, Ярополк попытался приподняться на локтях, но тут же рухнул обратно на подушки с глухим стоном. Его лицо исказила гримаса неподдельной агонии.

- Лежи, дурак, - негромко сказал я, подходя к постели. - Кость сломана. Будешь дергаться - порвешь легкое обломком, и тогда тебе уже никто не поможет.

- Брат... - голос Ярополка походил на шелест сухой листвы. Он сглотнул вязкую слюну, пытаясь сфокусировать на мне мутный взгляд. - Что это было? Моя голова... словно чугунный колокол. Раскалывается.

Я сел на край тяжелого дубового стула, внимательно изучая его состояние. Зрачки реагируют, речь связная, хоть и слабая. Мозг не пострадал необратимо. Династический кризис, который мог бы разорвать княжество на части в случае его смерти, отменялся.

- Вино горчило? - задал я единственный важный вопрос,

хотя уже знал ответ. - Или еда за ужином имела странный привкус?

- Нет, - Ярополк судорожно выдохнул, схватившись рукой за перебинтованный бок. - Вино как вино. Я просто лег в постель... потом затылок сдавило свинцом. А потом тьма. И жуткий холод в груди.

Я кивнул. Все сходилось в идеальную, нерушимую линию.

- Твоя новая печь, Ярополк. Заслонку закрыли слишком рано. Твой постельничий уже в морге. Тебе крупно повезло, что одна деревенская знахарка оказалась умнее всех столичных лекарей вместе взятых. Отдыхай.

Не дожидаясь его пространных излияний и жалоб на боль, я покинул покои. Мне предстояло принять окончательное решение, и делать это нужно было с холодной головой.

Мои личные покои встретили меня абсолютной, звенящей тишиной и запахом дорогого воска. За узкими окнами, затянутыми слюдой, уже начала брезжить неуверенная серая полоса зимнего рассвета. Тот самый рассвет, на который была назначена казнь Серафимы Плотниковой.

Я подошел к столу, стянул с себя тяжелый кафтан из плотной темной шерсти и бросил его на сундук. Остался в одной тонкой льняной рубашке, мгновенно почувствовав, как ледяной воздух замка кусает кожу. Мышцы плечевого пояса, привыкшие к постоянному ношению жестких доспехов и плотной одежды, стянуло тугим, болезненным узлом. Я налил ледяной воды из серебряного кувшина прямо в кубок, залпом

выпил, наслаждаясь тем, как холод проясняет мысли.

Затем я опустился в кресло, выдвинул верхний ящик стола и достал небольшой кусок сухой липы и короткий нож с идеально заточенным лезвием.

Мерное, ритмичное срезание древесной стружки всегда помогало мне упорядочить хаос в голове. Лезвие мягко, с тихим шелестом входило в податливую липу, снимая тончайшие светлые полосы. Я думал о государстве.

Мое княжество задыхалось. Не от вражеских осад, а от собственной дремучей серости. Бояре цеплялись за старые обычаи, лекари лечили лихорадку молитвами и кровопусканием, унося в могилы сотни крепких мужиков и женщин, которые могли бы работать и рожать новых воинов. Я пытался завозить иноземцев, но большинство из них оказывались алчными шарлатанами, жадными до золота.

А теперь в самом сердце моей крепости сидит женщина без роду и племени. Она не просила золота. Она просила разбить окно в мороз. Она действовала агрессивно, жестоко, нарушая все мыслимые законы человеческого и божественного порядка, но она добивалась результата.

Лезвие ножа срезало последнюю лишнюю стружку. Я отложил гладкий кусок дерева в сторону. Решение кристаллизовалось, обретя четкую, беспощадную форму.

Я придвинул к себе лист плотного пергамента, обмакнул перо в чернильницу и начал писать быстро, размашисто, не оставляя места для двойных толкований.

Казнь отменялась. Это был первый пункт. Серафима Плотникова признавалась невиновной в злом умысле против княжеской крови.

Вторым пунктом я переводил ее в прямое подчинение короне. Отныне она лишалась статуса вольной простолюдинки и становилась моей личной пленницей, приписанной к Аптекарскому приказу. Ей запрещалось покидать территорию дворца под страхом смерти, но внутри этих каменных стен она получала полномочия лечить так, как посчитает нужным.

Я взял массивную бронзовую печать, поднес палочку красного сургуча к пламени свечи. Дождался, пока густая, горячая капля сорвется на пергамент, и с силой вдавил в нее герб государя. Сургуч быстро затвердел, намертво скрепляя судьбу одной странной женщины с судьбой моего двора.

Я прекрасно понимал, что делаю. Я только что впустил в закрытую, годами выстроенную экосистему своего окружения неконтролируемый, взрывоопасный элемент. Бояре взвоют, лекари начнут плести интриги, а церковь наверняка попытается обвинить ее в колдовстве. Но если эта женщина действительно знает, как отодвигать смерть, я заставлю ее работать на мое государство. И мне придется держать эту колючую, жесткую знахарку на очень коротком поводке.

Я откинулся на спинку кресла, глядя на подписанный приговор, который даровал ей жизнь. Игра началась, и правила в ней теперь буду устанавливать я.

Глава 4. Бактерии и мракобесие

- Шевели ногами, знахарка. Государь велел дать тебе место, а не нести на руках.

Я молча проглотила последний кусок жесткого ржаного хлеба, который мне сунули в теплой караульной клетки вместе с кружкой мутной воды. Глюкоза уже начала поступать в кровь, медленно разгоняя гипогликемический туман в голове. Мышцы спины и плеч мелко, противно дрожали после запредельной физической нагрузки непрямого массажа сердца, а рассеченная о собственные зубы губа стянулась неприятной зудящей коркой. Но я шла сама. Грубое сукно арестантского мешка, в который меня нарядили перед отмененной казнью, привычно натирало ключицы при каждом шаге, а босые ступни сводило от ледяного холода каменных плит.

Я не обращала внимания на дискомфорт, потому что мой статус кардинально изменился. Буквально пару часов назад я была расходным материалом, безмянным куском мяса для плахи. Теперь, согласно сухому указу Всеволода, который мне зачитали стражники, я стала государственным имуществом, официально приписанным к Аптекарскому приказу. А казенное имущество просто так не уничтожают. Это давало мне тонкую, но вполне осязаемую броню и пространство для маневра.

Анфилада коридоров закончилась тяжелой дубовой две-

рю, обитой потемневшим железом. Конвойный толкнул ее сапогом, втолкнул меня внутрь, окатив напоследок тяжелым, суеверным взглядом, и засов за моей спиной с глухим стуком закрылся.

Я огляделась. Мой внутренний клинический фармаколог едва не взвыл от профессионального ужаса.

Помещение княжеского Аптекарского приказа больше напоминало жилище выжившего из ума старьевщика, чем место, где должны спасать человеческие жизни. Узкие слюдяные окна едва пропускали тусклый зимний свет. В углах колыхалась вековая, жирная от копоти свечей паутина. Вдоль стен громоздились тяжелые стеллажи, уставленные мутными глиняными горшками, пучками гниющих корней и тушками сушеных летучих мышей. Воздух был спертый, он откровенно смердел плесенью, мышинным пометом и сладковатым тленом. Идеальный, хрестоматийный инкубатор для синегнойной палочки, стафилококка и столбняка.

У массивного стола, заваленного грязными ступками, стоял щуплый, сгорбленный старик в засаленном многослойном балахоне. Его редкая седая борода тряслась от негодования. Местный служитель медицины.

- Прислали на мою голову, - прошамкал он, неприязненно разглядывая мой грубый наряд. - Сказывают, ты демонов из княжича голыми руками выгнала. Бесовство это все. У нас тут порядок заведенный, вековой. Лечим по луне, как предки завещали. Травы луговые с навозом конским меша-

ем, дабы жар вытягивать. А ты, девка, в мои котлы не лезь.

Я медленно подошла к столу. Провела пальцем по деревянной столешнице. На коже остался толстый, маслянистый слой грязи.

- Как твое имя? - мой голос прозвучал тихо, сухо и абсолютно безжизненно. Тот самый интонационный прессинг, которым я обычно сообщала старшим медсестрам в реанимации об их неполном служебном соответствии.

- Фролом кличут, - старик гордо выпятил впалую грудь. - Третий десяток лет при аптеке служу, государю зелья варю.

- Слушай меня внимательно, Фрол, - я оперлась обеими руками о грязный стол, глядя прямо в его слезящиеся, выцветшие глаза. - С этой минуты твой вековой порядок окончен. Если хоть один человек в этих стенах умрет от гнилой крови из-за твоей паутины, государь Всеволод лично велит повесить тебя на крепостной стене. Ты видел его глаза сегодня утром? Как думаешь, он будет долго разбираться в фазах твоей луны?

Упоминание имени Всеволода сработало лучше любого мистического заклинания. Фрол побледнел, его морщинистый кадык судорожно дернулся. Авторитет правителя в этом времени был абсолютным, непререкаемым монолитом, раздавливающим любые возражения.

- Значит так, - я начала отрывисто, жестко чеканить приказы, выстраивая новую экосистему. - Всех сушеных жаб, мышей, амулеты и прочий оккультный мусор - немедленно

в печь. Сжечь дотла.

- Да как же... это ж от лихорадки вернейшее средство! - пискнул старик, хватаясь за сердце.

- В печь, я сказала. Далее. Мне нужны три большие деревянные бадьи с крутым кипятком. Не теплой водой, Фрол, а чтобы пар стоял и руки обжигало. Достань самый едкий щелок, какой только варят дворцовые прачки. Рулоны чистой, неиспользованной льняной холстины. И найди мне обувь. Любую. Если я слягу с воспалением легких от этих ледяных камней, лечить княжескую семью будешь сам. Живо!

Старик бросился исполнять. Через десять минут на моих ногах красовались безразмерные, колючие, но спасительно теплые плетеные лапти, которые Фрол приволок из какой-то каморки. А еще через пару минут следующие два часа превратились в филиал санитарного ада.

Я не собиралась стоять сложа руки и командовать, как изнеженная барыня. Подвязав жесткий подол своего арестантского мешка веревкой, чтобы не путался под ногами, я лично присоединилась к вызванным перепуганным служанкам. Мы терли дубовые столы и каменные полы жесткими щетками. Едкий раствор щелока нещадно щипал кожу рук, выедавая грязь из застарелых мозолей Серафимы, но этот химический запах действовал на меня как лучшее успокоительное. Щелочная среда безжалостно разрушала липидные мембраны бактерий. Это была простая, понятная и подконтрольная мне физика выживания.

Когда последний таз с черной водой был выплеснут за дверь, а в очищенном помещении стойко запахло мокрым деревом, я позволила себе коротко выдохнуть. По крайней мере, теперь здесь можно было дышать без риска подхватить инфекцию.

Я как раз осматривала скудные запасы высушенной ромашки и коры дуба, прикидывая в уме их антисептический потенциал, когда тяжелые двери приказа с грохотом распахнулись.

В палату ввалились трое дюжих гвардейцев в кожаных нагрудниках. Они волокли под руки четвертого. Молодой парень с побелевшим от болевого шока лицом глухо мычал, повиснув на плечах товарищей. Его правая штанина из плотного сукна была насквозь пропитана густой, темной кровью, которая крупными каплями падала на мой высокобленный пол.

- Лекаря! - рявкнул старший из стражников, бешено вращая глазами. - На тренировочных мечах сшиблись, топор сорвался! Ногу Федору разрубили! Сделай что-нибудь, ведьма, зашепчи кровь, паутины из угла приложи, как Фрол делал!

Мозг мгновенно перешел в режим экстренной медицинской сортировки.

- На стол его. Быстро! - скомандовала я, указывая на самую широкую деревянную поверхность.

Гвардейцы, не ожидавшие такого властного командирского тона от жалкой женщины, послушно сгрузили раненого на

доски. Я бросилась к парню. Резким движением разорвала и без того испорченную штанину вдоль шва, обнажая рану.

Рубленая рана на передней поверхности бедра. Глубокая, края рваные. Мышечная фасция повреждена. Кровь шла ровными, тяжелыми толчками, но цвет был темно-вишневым, не алым. Значит, бедренная артерия чудом не задета, пострадала крупная вена. Жить будет, если не умрет от болевого шока или заражения крови в ближайшие трое суток.

- Фрол! - я не оборачивалась, работая только руками. Мои пальцы с силой впились в бедро парня чуть выше раны, пережимая сосуд и останавливая пульсацию крови. - Самое крепкое вино, какое есть в запасах. Не сладкую ягодную настойку, а чистый первач. Толстую швейную иглу и крепкую шелковую нить. Немедленно!

Старик метнулся к дальнему шкафу.

- Какая игла, знахарка? - возмутился старший гвардеец, брезгливо морщась. - Его землей присыпать надобно, да заклятие прочесть, чтобы мясо само срослось!

- Хочешь, чтобы его нога через три дня почернела, покрылась смердящим гноем и ее пришлось отпиливать тупой столлярной ножовкой? - я вскинула на него ледяной взгляд, не ослабляя давления на бедро пациента. - Тогда иди во двор, накопай мерзлой земли и сыпь. А если хочешь, чтобы он снова ходил с тобой в караул - закрой рот и держи его за плечи. Навалитесь на него вдвоем, всем весом. Сейчас ему будет очень больно.

Моя абсолютная, железобетонная уверенность подавила их волю. Военные люди привыкли подчиняться тем, кто точно знает, что делает. Стражники навалились на раненого, жестко прижимая его к столу.

Фрол подкатил ко мне деревянную бадью и положил рядом моток нити с толстой, кривой иглой. Я перехватила вену одной рукой, второй схватила кусок льняного полотна, обильно смочила его в принесенном алкоголе. Резкий запах сивушных масел ударил в нос. Медицинского спирта здесь не было, придется обходиться местным крепким самогоном.

Я бросила иглу с продетой нитью в железный ковшик с кипятком, который стоял на углях печи. Затем вымыла свои собственные руки в тазике с щелоком, стирая кожу до нестерпимого жжения.

- Держите крепче, - предупредила я.

Я щедро плеснула алкоголь прямо в открытую, пульсирующую рану, вымывая оттуда сгустки крови и обрывки грязного сукна. Федор взвыл так, что задрожали стекла в окнах. Его тело судорожно выгнулось дугой, но двое здоровых мужиков удержали его на досках.

Подхватив прокипяченную иглу, я склонилась над столом. Никакой магии не существует. Человеческое тело - это просто очень сложный биомеханический костюм. Если защитная ткань порвалась, ее нужно сшить.

Я подцепила край разорванной мышцы. Игла с тихим, влажным хрустом вошла в живое мясо. Парень на столе за-

хрипел, прокусив собственную губу. Я работала быстро, методично, без единой лишней эмоции. Мои пальцы, перепачканные чужой липкой кровью, завязывали аккуратные узловые швы. Сначала глубокий мышечный слой. Затем кожа. Стежок за стежком. Поясница начала предательски ныть от неудобной позы, но я не позволяла себе выпрямиться.

Гвардейцы над моей головой затаили дыхание. Они смотрели на меня с благоговейным ужасом. В их дремучей реальности женщины не ковырялись в чужом мясе с холодностью бывшего палача. Они ожидали причитаний, а увидели сухую, циничную работу мастера.

Спустя пятнадцать минут края раны были стянуты ровным, плотным швом. Кровотечение полностью прекратилось.

Я наложила сверху подушечку из проваренной льняной ткани и туго, профессионально забинтовала бедро широкой полосой холстины.

- Готово, - я отступила от стола, чувствуя, как по вискам катится холодный пот. - Слушать мой приказ. Повязку не снимать. Навоз, землю, собачью слюну и прочую дрянь не прикладывать. Поить его чистой водой. Если через пару дней лоб станет горячим, а рана начнет дергать - тащите его обратно ко мне. Все поняли?

Гвардейцы синхронно, словно замороженные, кивнули. Они бережно подхватили обмякшего, тяжело дышащего Федора под руки и потащили к выходу. Старший задержался

у дверей, коротко, почтительно склонил голову, признавая мой врачебный авторитет, и вышел вон.

Я осталась одна у стола, усеянного окровавленными обрывками ткани. Подошла к тазу, опустила саднящие руки в остывающую мыльную воду. Наблюдая, как чужая кровь растворяется в воде, я понимала одну простую вещь. Прямо сейчас я запустила слух, который к вечеру облетит весь замок. Слух о том, что новая знахарка государя - настоящая ведьма. Потому что компетентность пугала этих людей гораздо сильнее колдовства.

Двери палаты снова робко скрипнули. Я раздраженно обернулась, ожидая увидеть очередного пациента, но на пороге переминался с ноги на ногу совсем юный, перепуганный мальчишка в льняной рубаше - прислужник из княжеского крыла.

- Чего тебе? - устало спросила я, вытирая руки куском чистого сукна.

- Госпожа... - мальчишка сглотнул, опасливо косясь на следы крови. - Княжич Ярополк очнулся. Гневается сильно. Требуется стол ему накрыть. С поварни уже несут жареных перепелов на сале, да поросенка жирного с кашей...

Моя рука с полотенцем замерла в воздухе. Мозг токсиколога мгновенно вспыхнул красной тревожной лампой.

Тяжелейшая гипоксия. Отравление угарным газом. Желудочно-кишечный тракт Ярополка сейчас находился в состоянии глубокой ишемии. Ударная доза тяжелого животного

го жира и жареного мяса гарантированно спровоцирует острый, некротический панкреатит или полную остановку пищеварения. Он пережил остановку сердца сегодня на рассвете только для того, чтобы умереть к ужину от заворота кишок, нажравшись жирной свинины.

- Фрол, - я бросила полотенце на стол и схватила небольшой деревянный лоток, в который машинально сыпала горсть сушеной ромашки. - Убери здесь все.

Я быстрым шагом вышла из Аптекарского приказа. Если местные аристократы думают, что могут жрать поросят сразу после клинической смерти, им предстоит очень жестоко столкнуться с медицинской диктатурой. Я ломала этому идиоту ребра не для того, чтобы его убили собственные повара. И мне было абсолютно плевать, с кем из дворцовой элиты придется сейчас схлестнуться в покоях княжича.

Глава 5. Протокол питания и первый враг

Тяжелая тканевая гипоксия не заканчивается в тот самый счастливый момент, когда пациент делает первый самостоятельный вдох. Это вредный дилетантский миф, навязанный дешевыми мелодрамами, где спасенный тут же садится в кровати, бодро улыбается и просит принести ему жареной картошки. В суровой медицинской реальности, когда человеческий организм часами задыхается от угарного газа, мозг запускает протокол безжалостной экономии. Он отсекает периферию, забирая драгоценный кислород у конечностей, почек и всего желудочно-кишечного тракта, чтобы хоть как-то поддержать затухающую работу сердца.

В результате кишечник впадает в состояние глубочайшей ишемии. Ворсинки слизистой парализуются, выработка пищеварительных ферментов падает до абсолютного нуля. Вся пищеварительная система временно превращается в мертвую, обескровленную трубку, не способную усвоить даже каплю питательных веществ.

Именно об этой мрачной физиологии я размышляла, быстро вышагивая по тускло освещенным коридорам княжеского дворца. Я крепко сжимала в огрубевших пальцах деревянный лоток с сушеной ромашкой, который прихвати-

ла в Аптекарском приказе. Ступни в безразмерных, жестких плетеных лаптях, выданных мне стариком Фролом, нещадно ныли, отзываясь тупой болью на каждом неровном каменном стыке плит. Суконный арестантский мешок все так же привычно натирал воспаленные ключицы, а кожа на ладонях пульсировала от химического ожога - последствия едкого щелока, которым я час назад отмывала чужую кровь после зашивания разрубленной ноги гвардейца.

Мое новое тело, принадлежавшее истощенной Серафиме, балансировало на грани тотального физического коллапса, но мозг клинического токсиколога работал с пугающей, хрустальной ясностью. Впереди была новая проблема, грозящая свести на нет всю мою утреннюю реанимацию.

Тяжелые дубовые створки, ведущие в покои княжича Ярополка, оказались приоткрыты. Еще на подходе к ним мой нос, уже начавший привыкать к постоянным запахам сырости, мышиного помета и плавленого воска, уловил то, чего здесь категорически не должно было быть. В спертom воздухе густо, удушливо тянуло топленным салом, печеным мясом, чесноком и крепким мясным наваром.

Для здорового, изголодавшегося на морозе человека этой суровой эпохи подобное амбре было запахом абсолютного богатства, заботы и благополучия. Для пациента, пережившего остановку сердца и клиническую смерть менее двенадцати часов назад, это был прямой, гарантированный билет в могилу.

Я толкнула массивную дверь плечом и решительно шагнула в палату.

Разбитое мной на рассвете окно, как и велел государь Всеволод, было плотно занавешено многослойным гобеленом. Оставленная по приказу щель впускала в комнату спасительный ледяной сквозняк, который шевелил тяжелую ткань. Но на этом хорошие новости заканчивались.

Ярополк полулежал на горе взбитых подушек. Его лицо приобрело тот самый землисто-серый, нездоровый оттенок, который всегда сопровождает тяжелую постгипоксическую энцефалопатию. На лбу крупными каплями блестела холодная испарина. Он болезненно щурился от неровного, дрожащего света многочисленных свечей и периодически прижимал тонкие пальцы к вискам - сосуды его головного мозга сейчас испытывали колоссальное давление, мучительно пытаясь восстановить нормальный тонус и кровоток.

Но самым страшным было не его бледное лицо. У массивной кровати с бархатным пологом суетились двое постельничих, сгибаясь под тяжестью серебряных подносов. На полированном металле возвышалась гора блестящих от жира жареных перепелов, толстые, истекающие соком куски свинины и глубокие миски с густой пшенной кашей, щедро сдобренной коровьим маслом.

А над всем этим убийственным гастрономическим великолепием возвышался дородный мужчина в роскошном, подбитом темной куницей кафтане из плотного синего бар-

хата. На его широких, мясистых пальцах тускло поблескивали массивные перстни. У него было умное, властное и глубоко уверенное в себе лицо человека, привыкшего ежедневно повелевать людскими судьбами и княжеской казнью.

- Кушай, ваше высочество, не брезгуй, - густым, рокоचущим басом увещевал он княжича, лично поднося к его пересохшим губам деревянную ложку с исходящим паром жиром. - Болезнь упряма, ее сытостью выгонять надобно, как деды наши делали. Кровь мужская от хорошего мяса множится, а от пустого брюха только черная желчь в дурную голову бьет. Давай, за государя нашего, брата твоего. Сделай милость.

Ярополк попытался слабо отстраниться, вжимаясь затылком в подушки. Его лицо исказила красноречивая гримаса нескрываемой тошноты. От густого запаха тяжелых липидов его ишемизированный желудок уже начал конвульсивно спазмироваться, посылая в мозг отчаянные сигналы бедствия. Но отказать влиятельнейшему вельможе, проявляющему такую настойчивую, искреннюю опеку, младший брат правителя явно не решался.

- Уберите это немедленно, - мой голос прозвучал сухо, негромко, но с той специфической, ледяной металлической интонацией, от которой в моем родном времени мгновенно замолкали даже самые скандальные и высокопоставленные родственники в коридорах больницы.

Я подошла к кровати вплотную, поставив лоток с ромаш-

кой на край деревянного столика. Не обращая ни малейшего внимания на статус присутствующих, я бесцеремонно просунула свою руку между княжичем и вельможей, ухватила за край обжигающе горячего серебряного подноса и грубо оттолкнула его назад, прямо в грудь растерявшемуся слуге. Капли жира брызнули на ковер.

Вельможа замер. Он медленно, словно не веря собственным глазам, повернулся ко мне. Его густые, тронутые седой брови грозно сошлись на переносице. Взгляд, которым он окатил мой изодранный суконный мешок, всклокоченные волосы и колючие лапти, был полон искреннего, незамутненного аристократического презрения пополам с брезгливостью.

- Ты кто такая, чтобы в княжеских покоях пасть открывать? - обманчиво тихо спросил он. В его глубоком тоне зазвучал явный приказной металл. - Девка дворовая, совсем умом тронулась от вседозволенности? Стража!

- Мое имя вам знать без надобности, боярин, - я не отвела глаз, хладнокровно выдерживая его тяжелый, давящий психологический прессинг. Рассеченная утром губа болезненно натянулась, но я не обратила на это внимания. - Государь Всеволод доверил жизнь своего брата мне. А вы прямо сейчас пытаетесь его убить. Причем самым мучительным, грязным и нелепым способом из всех возможных.

Мужчина побагровел. Его ноздри хищно раздулись, шея налилась кровью над жестким воротом рубахи.

- Убить? - он криво усмехнулся, хотя в его потемневших глазах не было ни капли веселья. - Я - Тихон Лямзин, глава Казначейского приказа. Я этого мальчика на своих руках качал, когда ты еще под столом ползала, оборванка смердящая! Ему жизненные силы нужны! Лучшие повара старались, дичь отборную жарили. А ты, ведьма, хочешь брата государя голодом в могилу свести?

Я смотрела на него и понимала: Тихон Лямзин не был карикатурным идиотом или преднамеренным отравителем. Он действовал строго в рамках устоявшейся медицинской парадигмы своего сурового времени, где обильная, жирная пища считалась единственной панацеей от любой старческой или посттравматической слабости. Он искренне полагал, что спасает Ярополка, и моя грубая наглость ломала всю его логичную картину мира.

- Слушайте меня предельно внимательно, боярин Лямзин, - я оперлась обеими руками о резную деревянную спинку кровати, подавшись вперед. Никаких сложных медицинских терминов. Никакого панкреонекроза. Только суровая, понятная им физика. - Его нутро сейчас мертвое. Как угли, которые щедро залили ледяной колодезной водой. Дыхание только-только вернулось в его жилы. Если вы сейчас кинете в эту еле тлеющую, слабую печь тяжелое, сырое бревно в виде вашей жареной свинины - печь просто захлебнется дымом и потухнет окончательно.

Я коротко указала пальцем на бледного, тяжело дышащего

княжича.

- Жир требует огромных усилий организма для переваривания. А его тело сейчас не сможет усвоить даже крошку. Это сало просто сгниет внутри него. К ночи его кишки завернутся узлом, начнется жестокая лихорадка и кровавый понос, и он умрет в такой агонии, от которой содрогнется весь дворец. И если это случится, боярин, именно вы пойдете к Всеволоду лично объяснять, зачем насильно закармлили его любимого брата до смерти.

В покоях повисла тяжелая, вязкая тишина, нарушаемая только завыванием морозного ветра за gobеленом. Слуги замерли как соляные столпы, боясь даже вздохнуть. Упоминание прямого гнева государя всегда работало как идеальный, безотказный отрезвляющий фактор в любом споре.

Тихон медленно перевел взгляд на Ярополка.

- Ваше высочество? - с тщательно скрываемым сомнением в голосе обратился он к больному, ища привычной поддержки у знати.

Ярополк судорожно сглотнул. Его грудная клетка прерывисто вздымалась под тонким льном чистой сорочки.

- Меня мутит от одного запаха этого поросенка, Тихон, - прошелестел княжич, жалобно кривясь от стреляющей боли в сломанном мною утреннем ребре. - Голова раскалывается так, словно в чугунный набатный колокол быт. Убери мясо вон. Пусть эта девка делает то, что должно. Она вчера вытащила меня с того света голыми руками, пока наши ученые

лекари собирались пустить мне кровь и добить.

Лямзин медленно выпрямился. Его крупное, натренированное тело напряглось, под дорогим бархатом кафтана предупреждающе перекатились тугие мышцы. Он понял, что проиграл этот раунд. Причем проиграл публично, в присутствии собственных слуг и стражи у дверей, проиграл какой-то грязной простолюдинке в лаптях, чью странную логику только что вслух поддержал сам пациент.

Но глава казначейства не стал истерично топтать ногами, брызгать слюной или осыпать меня базарными ругательствами. Он был слишком умен, богат и опытен для таких дешевых представлений.

Тихон сделал плавный, почти грациозный для его комплекции шаг назад. Его взгляд медленно, оценивающе скользнул по моим обветренным рукам, по жесткому вороту платья, а затем остановился прямо на моем лице. В этом долгом взгляде не было горячей ярости. В нем был холодный, препарирующий расчет системного политика, который только что обнаружил в своем идеально выверенном механизме власти новую, непонятную и крайне опасную деталь.

- Значит, печь захлебнется, - тихо, задумчиво повторил Лямзин мою утилитарную метафору. Он едва заметно, издевательски склонил голову - жест, в котором не было ни капли искреннего почтения, только формальное признание моего статуса временного государева фаворита. - Что ж, знахарка. Посмотрим, как долго ты сможешь поддерживать этот огонь.

Смотри не обожгись сама. В нашем дворце сквозняки лютые. Задуть пламя может в любой момент. И никто не вспомнит, как тебя звали.

Он развернулся с тяжелой грацией сытого медведя и размеренным шагом покинул покои. Слуги с подносами серебряными рыбками беззвучно скользнули следом за ним, унося с собой смертоносный запах жареного жира.

Я внутренне подобралась, словно перед ударом. Мой мозг, годами тренированный анализировать клинические и жизненные риски, мгновенно выдал сухой, неутешительный вердикт: я только что, даже не повышая голоса, нажила себе смертельно опасного, умного политического врага. Лямзин не забудет этого публичного унижения. И он точно не будет мстить открыто, бросаясь с ножом - он будет бить в спину чужими руками.

Но политические интриги могли подождать. Сейчас у меня был нестабильный пациент, чье состояние требовало немедленного вмешательства.

Воздух в покоях постепенно очищался, замещаясь морозной свежестью. Я подошла к деревянному лотку, взяла щедрую пригоршню сушеной ромашки и бросила ее в глиняную кружку. Залила крутым кипятком из массивного медного кувшина, который слуги предусмотрительно держали над горячей жаровней в углу комнаты.

- Пейте, - я протянула теплую кружку Ярополку. - Мелкими глотками, не торопитесь. Это снимет спазм желчных

протоков и успокоит стенки желудка.

Княжич недоверчиво принялся к горьковатому, цветочному пару, но спорить не стал. Придерживая перебинтованный бок, он сделал несколько осторожных глотков и устал, с видимым облегчением откинулся на влажные подушки.

Я повернулась к старшему постельничему, замершему у дверей с серым от страха лицом.

- Слушать мой приказ, - чеканя каждое слово, произнесла я, закрепляя медицинский протокол. - Ближайшие трое суток его высочество получает только теплую кипяченую воду, жидкий, дважды процеженный куриный бульон и овсяную слизь. Жидкую, как вода, чтобы она просто обволакивала желудок. Никакого вина. Никакого белого хлеба. Ни единого куска мяса, даже если он сам будет кричать и требовать. Если я узнаю, что кто-то нарушил этот порядок, я лично скормлю виновнику столько сала, что он лопнет по швам. Я понятно объясняю?

- Предельно понятно, госпожа, - сдавленно пискнул слуга, низко кланяясь почти до самого ковра.

Ярополк закрыл глаза, его дыхание начало выравниваться. Легкий растительный спазмолитик делал свое тихое дело, снимая паническое напряжение гладкой мускулатуры. Острый кризис был официально предотвращен.

Убедившись, что пульс княжича на сонной артерии стабилизировался и потерял пугающую нитевидность, я развернулась и вышла из покоев в прохладный полумрак коридора.

Тяжелые дубовые двери за моей спиной закрылись с глухим, отсекающим звуком.

Только оказавшись в полном одиночестве, я позволила себе минутную физическую слабость. Я прислонилась ноющей спиной к ледяной каменной стене и тяжело, прерывисто выдохнула. Колени предательски задрожали от мышечного истощения. Мое тело отчаянно требовало нормальной, горячей еды и полноценного сна в кровати, а не на жесткой лавке, но в ближайшее время мне это явно не светило.

Я подняла руки на уровень глаз и посмотрела на свои пальцы. Грубая, потрескавшаяся кожа, забитая темной грязью под криво обломанными ногтями. Это были руки человека, стоящего на самом дне социальной лестницы этого сурового, дремучего, патриархального мира.

Я только что спасла брата государя от верного панкреонекроза. Я зашила зияющую рану гвардейцу. Я вычистила Аптекарский приказ от вековой, смердоносной плесени. Мои медицинские знания работали здесь безотказно, как швейцарские часы. Но, глядя на выщербленный каменный свод над головой, я предельно ясно осознала одну пугающую истину.

Здесь, в густой паутине дворцовых интриг, вылечить даже самого безнадежного пациента будет гораздо проще, чем выжить среди тех, кому моя прямолинейная компетентность перешла дорогу.

Глава 6. Лекция для палача

- Дурная слава бежит впереди тебя, знахарка, быстрее порченной амбарной крысы.

Глубокий, ровный голос разрезал полумрак вычищенного Аптекарского приказа без малейшего предупредительного стука или скрипа петель. Я даже не вздрогнула, хотя мой пульс рефлексивно ускорился на пару ударов, выбрасывая в кровь микродозу адреналина. Годы работы в отделении экстренной токсикологии намертво вытравили из меня привычку пугаться резких звуков, писка мониторов или внезапных визитеров за спиной. Когда ты ежедневно ходишь по тонкой грани между чужой жизнью и смертью, банальный испуг становится непозволительной роскошью.

Кожа на моих ладонях превратилась в сухой, растрескавшийся пергамент. Едкий щелок, которым я несколько часов назад лично вымывала вековую плесень и чужую кровь с деревянных досок, безжалостно разрушил липидный барьер эпидермиса, забравшись в грубые, застарелые мозоли Серафимы. Каждое движение пальцев отзывалось тупой, зудящей болью, словно в микроскопические трещины насыпали битого стекла. Царапина на запястье, полученная утром от разбитого слюдяного окна в покоях Ярополка, была наконец-то промыта спиртом и туго стянута чистой льняной полоской, но все равно противно пульсировала.

Я сидела на жестком деревянном табурете у стола и методично, круговыми движениями втирала в саднящие костяшки каплю топленого барсучьего жира, чудом найденного в одном из глиняных горшков местного горе-лекаря Фрола. Эта рутинная, чисто физиологическая процедура помогала мне заземлиться. Организм балансировал на грани полного истощения: запасы гликогена в печени упали до критической отметки, мышцы спины ныли от непривычной тяжести грубого арестантского сукна, а рассеченная о собственные зубы губа стянулась неприятной коркой.

Гавриил Казаков шагнул из коридора в тусклый, дрожащий свет сальных свечей, и тяжелая дубовая дверь за его спиной беззвучно закрылась. Глава тайного сыска двигался с пугающей, экономичной грацией сытого, уверенного в себе хищника. В отличие от меня, облаченной в жесткий мешок и колючие плетеные лапти, он выглядел безупречно. Темный, идеально подогнанный по фигуре кафтан из плотной шерсти сидел как влитой, на широком кожаном ремне тускло поблескивала массивная пряжка. От него не несло застоявшимся потом, луком или грязным бельем, как от большинства обитателей этого времени. Он пах морозным воздухом, дорогой выделанной кожей и терпким, качественным оружейным маслом. Настоящая, безжалостная элита Белогорского княжества.

- Выставить дураком главу Казначейского приказа прямо в княжеских покоях на глазах у слуг, - Гавриил остановился

по ту сторону стола, плавно скрестив руки на груди. Его темные глаза ощупывали меня с цепкостью опытного анатома. - Тихон Лямзин злопамятен, неимоверно хитер и обладает ключами от казны. Нажить себе такого врага в первый же день после того, как едва избежала плахи - это признак либо кромешного безумия, либо уверенности человека, за спиной которого стоит очень могущественный хозяин.

- Я спасала пациента от верного заворота кишок и острого некроза, - сухо отозвалась я, продолжая втирать животный жир в потрескавшуюся кожу. Мой голос звучал сипло, но абсолютно ровно. - А чьи при этом пострадали политические амбиции - мне совершенно безразлично. Желудок княжича после тяжелейшего удушья не способен переваривать боярскую гордость или жареную свинину, господин Казаков. Ему нужен только легкий бульон.

- Занятная логика для забитой деревенской девки, - он чуть склонил голову набок. Никакого балаганного злодейства, заламывания рук или показной ярости. Гавриил просто препарировал мою личность, пытаясь нащупать уязвимые точки и вывести на эмоции. - Но государь велел дать тебе место, и я подчиняюсь. Однако мой прямой долг - знать досконально, кто именно варит зелья в десяти шагах от княжеской спальни.

Он неторопливо опустил руку за пазуху своего кафтана, достал небольшой, туго затянутый шнурком кожаный кисет и бросил его на выскобленные мною доски стола. Мешочек

приземлился с глухим, тяжелым стуком, подняв в воздух едва заметную пылинку.

- Мои люди сняли это с тела одного иноземного согладая, которого мы перехватили на тракте три дня назад. Он не успел им воспользоваться, но берег эту дрянь пуще золота, - Гавриил оперся костяшками пальцев в черных перчатках о край стола, нависая надо мной. Давление его авторитета было почти осязаемым, физически плотным. - Лекарь Фрол клялся, что это сушеная жабыя печень от лихорадки. А что скажет всезнающая государева знахарка?

Очередная проверка. Только теперь не на стрессоустойчивость под угрозой казни, а на узкую профессиональную компетентность. Глава тайного сыска ожидал, что я испугаюсь его давящего тона, начну истово креститься, бормотать глупые заговоры от порчи или просто сдамся перед неизвестной субстанцией.

Я не стала суетиться. Мозг токсиколога переключился в режим безупречного, отточенного десятилетиями практики алгоритма. Первое правило при контакте с потенциальной химической или биологической угрозой - никакой пальпации голыми руками. Одно неверное движение, микроскопическая царапина на коже - и ты сам становишься пациентом реанимации.

Я отложила горшочек с жиром, взяла со стола лоскут чистой, вываренной в кипятке льняной ткани, которую заготовила для будущих перевязок, и только через нее осторожно

потянула за кожаный шнурок кисета. Вытряхнула содержимое на светлый лен.

На ткани лежал сморщенный, темно-коричневый кусок сухого корня, формой отдаленно напоминающий мелкую репу или узловатый, деформированный палец больного артритом старика. От него исходил едва уловимый, специфический запах сырой земли пополам с чем-то едко-сладковатым. Я не стала подносить его близко к лицу. Мне не нужна была современная химическая лаборатория с газовым хроматографом, чтобы узнать этот хрестоматийный, классический кошмар любого врача-реаниматолога.

- Это не жаба, Казаков. И Фрол - клинический идиот, которого нужно держать от живых пациентов на расстоянии пушечного выстрела, пока он не отправил на тот свет половину двора, - я аккуратно, стараясь не создавать лишнего трения и пыли, завернула корень обратно в кисет. - Это борец. Иноземцы и ученые мужи называют его аконитом. Красивое южное растение, любит влагу, растет в предгорьях. Цветет синими колокольчиками.

Гавриил не шелохнулся, но я своим наметанным глазом диагноста заметила, как едва уловимо дрогнули и напряглись мышцы на его резких скулах. Он явно знал это название, и моя мгновенная, безошибочная идентификация пробила серьезную брешь в его изначальном следовательском скепсисе.

- И что он делает? - обманчиво спокойным, вкрадчивым тоном спросил сыщик. - Наводит порчу на кровь? Вызывает

бесов? Забирает рассудок?

Я подняла на него глаза. В тусклом, неверном свете палаты его лицо казалось высеченным из серого гранита, но в зрачках бился напряженный, почти болезненный, хищный интерес.

- Никаких бесов не существует, глава сыска, - ровно произнесла я, отодвигая кيسет на середину стола подальше от края. - Смерть - это не магия. Это просто остановившаяся физика человеческого тела. Этот яд не портит кровь, он ломает сам механизм жизни, парализуя нервные окончания. Если твой соглядатай добавил бы крошечную щепотку тертого корня в вино или горячую похлебку, жертва даже не почувствовала бы горечи. А через четверть часа у нее онемели бы губы, язык и гортань.

Я говорила монотонно, без капли сочувствия или театрального ужаса, тщательно подбирая слова, чтобы перевести сложные нейротоксические процессы на понятный этому дремучему веку язык. Никаких лекций о блокаде натриевых каналов клеточных мембран. Только суровая, зримая, неотвратимая суть.

- Потом онемение расползается по всему телу, словно под кожей одновременно ползают тысячи ледяных муравьев. Жертва начинает слепнуть. Но самое страшное этот яд делает с человеческим сердцем. Он жестоко обманывает его. Заставляет биться так быстро и судорожно, что сердце забывает гнать кровь по жилам. Оно просто бесполезно трепещет в

груди, как раненая птица. Вены изнутри покрываются льдом, человек задыхается в собственных легких, но при этом его разум остается абсолютно ясным и чистым до самой последней секунды. Он чувствует и осознает каждую каплю своей неотвратимой агонии.

В каменном мешке Аптекарского приказа повисла тяжелая, густая, почти осязаемая тишина. Пламя свечи нервно дернулось на сквозняке, отбрасывая на высокие стены длинные, искаженные тени.

Гавриил смотрел на меня не отрываясь. Как профессиональный палач и дознаватель, он видел сотни смертей на дыбе, колесе и плахе. Он знал абсолютный толк в причинении физической боли. Но моя холодная, препарирующая лекция, напрочь лишенная всякой религии и мистики, пугала его гораздо сильнее раскаленных железных клещей. Я описала процесс умирания с циничной, пугающей отстраненностью ученого, который просто наблюдает за бьющимся насекомым под стеклом.

- Ты говоришь об этом так, словно сама сотню раз подливала эту отраву в чужие кубки, - голос Гавриила упал до глухого, вибрирующего баритона, резонирующего в тишине комнаты. Он сделал медленный, плавный шаг в обход стола, безапелляционно вторгаясь в мое личное пространство. Воздух вокруг него казался наэлектризованным перед грозой. - Ты не знахарка, Серафима. Ты чудовищная аномалия. Твой разум - самое опасное, непредсказуемое оружие, которое я

встречал в этих стенах за всю свою жизнь. И если ты решишь повернуть это оружие против моего государя...

- Если бы я хотела убить государя, Казаков, я бы просто позволила вашим придворным лекарям пустить кровь его брату сегодня на рассвете, - жестко оборвала я, не сдвинувшись ни на миллиметр назад и не опустив взгляда. Я выдерживала его прессинг так же, как выдерживала истерики вооруженных родственников пациентов в приемном покое. - А чтобы убить человека методами вашего времени, мне совершенно не нужен редкий аконит с южных гор. Хватит и грязной, невытой иглы с кусочком ржавого гвоздя из конюшни.

Он остановился в полушаге от меня. Я чувствовала исходящий от него жар сильного, тренированного тела. Гавриил был смертельно опасен, дьявольски умен и наделен колоссальной, почти неограниченной властью, но прямо сейчас он пытался играть на моем поле. На поле человеческой физиологии и хрупкости. И здесь я не собиралась уступать никому.

Сыщик протянул руку в плотной скрипучей перчатке, чтобы забрать кисет с аконитом обратно в свои бездонные карманы.

Моя реакция оказалась быстрее. Я накрыла кожаный мешочек своей саднящей, перемазанной животным жиром ладонью и плотно придвинула его к себе по деревянной столешнице.

Гавриил замер. Его густые брови медленно поползли вверх от подобной неслыханной наглости.

- Я забираю это в свою аптеку, - совершенно спокойно, будничным тоном, не терпящим никаких возражений, заявила я.

- Ты в своем уме, женщина? - он чуть прищурился, и в этом темном прищуре мелькнула реальная, нешуточная угроза скорой расправы. - Хочешь оставить при себе отраву, способную положить в сырую могилу целый отряд крепких мужиков?

- Я хочу оставить при себе лучшее лекарство от тяжелых мышечных спазмов и застарелых невралгий, которое только может существовать в этой дыре, - парировала я, глядя прямо в его потемневшие глаза. - В большой дозе это верная смерть, ты прав. Но в микроскопической, ювелирно выверенной дозе чистого спиртового экстракта - это единственное, что может снять боль, от которой человек лезет на каменную стену. Этот яд локально блокирует чувствительность поврежденных нервов. А судя по тому, какие у государя Всеволода глубокие тени под глазами от бессонницы, ему очень скоро понадобится не кровопускание пиявками, а именно такое кардинальное средство. И готовить его буду я.

Гавриил молчал, напряженно взвешивая каждое мое слово. Его инстинкт ищейки яростно боролся с той железобетонной, прагматичной медицинской логикой, которую я ему предлагала. Он безошибочно считывал мою внутреннюю уверенность: я не собиралась травить кого-либо исподтишка. Я собиралась лечить людей, используя тот скудный,

опасный фармакологический арсенал, который смогла отво-
евать у этого мира.

- Хорошо, - наконец медленно, процедил сквозь плотно сжатые зубы глава сыска. Он отступил на шаг назад, разрывая зрительный контакт и возвращая себе привычную ауру отстраненного аристократического превосходства. - Оставь себе свой борец. Но помни мои слова, знахарка: если хоть один человек во дворце умрет от удушья и судорог, о которых ты так складно и красиво сейчас рассказала... я лично вскрою тебе грудную клетку кинжалом и посмотрю, какого цвета у тебя сердце. Тщательно мой руки после своих зелий.

Он круто развернулся и покинул помещение так же бесшумно, как и появился, словно растворившись в тенях.

Когда тяжелые, размеренные шаги Гавриила окончательно стихли в глубине анфилады коридоров, я позволила себе закрыть глаза и тяжело, прерывисто выдохнуть. Адреналиновая блокада рухнула, оставив после себя тотальное, сокрушительное мышечное опустошение. Поясница ныла так, словно по ней весь день били тяжелыми палками, а ступни в жестких лаптях казались налитыми свинцом. Я выиграла еще один раунд выживания вслепую, отстояв свою крошечную территорию и право на профессиональный инструмент. Но уровень стресса в этом времени зашкаливал за все мыслимые медицинские нормы моего прошлого мира.

Я с трудом заставила себя подняться с табурета. Взяла кривую глиняную кружку, бросила в нее щедрую щепотку

сушеной ромашки и залила крутым кипятком из чугунка, стоявшего на раскаленных углях небольшой печи в углу палаты. Мой собственный желудок сводило от голода и нервного спазма, и горячий, горьковатый настой был единственным доступным мне сейчас способом успокоить взбунтовавшуюся вегетативную систему.

Я собиралась выпить отвар мелкими глотками и просто рухнуть на узкий деревянный топчан, застеленный колючим сукном, который старик Фрол гордо именовал моим спальным местом. Я мечтала хотя бы о паре часов провала в темноту без сновидений. Но тишину Аптекарского приказа разорвал новый звук.

Громкий, лязгающий, ритмичный и абсолютно безапелляционный стук тяжелого древка алебарды о дубовую дверь.

Я со вздохом поставила кружку обратно на стол. Створка с протяжным скрипом распахнулась. На пороге стоял широкоплечий гвардеец в кожаном нагруднике с вытисненным гербом Белогорского княжества. Он не смотрел на меня со страхом, презрением или суеверным ужасом, в его глазах читалась только холодная, исполнительная пустота армейского механизма, пришедшего в движение.

- Знахарка Серафима, - сухо, без единой лишней эмоции отчеканил стражник. - Государь Всеволод требует тебя в свои личные покои. Немедленно.

Времени на долгие раздумья, смену грязного суконного платья или жалобы на невыносимую человеческую усталость

не существовало. Я молча кивнула, взяла со стола кожаный кисет с изъятым ядом, надежно спрятала его в глубокий карман своего мешка и, игнорируя стреляющую боль в истер-
тых ногах, шагнула вслед за конвоиром в холодную темноту дворцового коридора. Моя смена в этом средневековом аду еще не закончилась.

Глава 7. Анатомия власти

Выброс кортизола в кровь перед ожидаемой пыткой или казнью всегда вызывает неконтролируемую тахикардию. Мой пульс тяжело, ритмично стучал в висках со скоростью не меньше ста двадцати ударов в минуту. Пока гвардеец вел меня по полутемным, выстуженным сквозняками анфиладам княжеского дворца, я мысленно, как по учебнику, диагностировала собственное состояние. Дыхание сбилось, ладони стали влажными, а зрачки расширились, пытаюсь уловить малейшую угрозу в густых тенях за gobеленами.

Гавриил Казаков не мог так просто проглотить свое поражение. Моя медицинская логика подсказывала абсолютно четкий политический расклад: глава тайного сыска покинул мою аптеку пол часа назад, и теперь государь Всеволод вызвал меня среди ночи, чтобы закончить начатое. Чтобы лично выяснить, на какую иноземную разведку работает странная женщина, слишком много знающая об алкалоидах и ядах.

В глубоком кармане моего жесткого, натирающего воспаленные ключицы арестантского мешка тяжело бил по бедру кожаный кисет с аконитом. Кожа на ладонях стянулась в сухой, зудящий пергамент - едкий щелок, которым я сегодня вымывала чужую кровь и плесень, беспощадно сжег липидный слой. Втертый недавно барсучий жир почти полностью

впитался, оставив лишь ноющую пульсацию. Разбитая утром губа покрылась сухой коркой. Тело Серафимы, к которому я все еще мучительно адаптировалась, находилось на грани физиологического коллапса от голода и непрерывного суточного стресса. Но я заставила себя выпрямить спину. В отделении реанимации мы не имели права показывать родственникам пациентов свой собственный страх. Здесь, в этом дремучем веке, правила выживания были точно такими же.

Гвардеец остановился у массивных, обитых потемневшей медью дверей, коротко стукнул древком алебарды в каменный пол и молча отступил в сторону. Я толкнула тяжелую створку и шагнула внутрь. Дверь за моей спиной закрылась с глухим, отсекающим звуком, оставляя меня один на один с абсолютной властью.

В личных покоях государя не было ни удушливой роскоши, ни парадного политеса. Воздух здесь пах пчелиным воском, дорогой выделанной кожей, чернилами и свежей липовой стружкой. Света давали лишь несколько толстых свечей в напольных шандалах.

Всеволод Бронзов сидел за широким столом из мореного дуба, заваленным свитками и картами. На нем не было ни тяжелого бархатного кафтана, ни пояса с оружием. Только тонкая, белоснежная исподняя рубаха из качественного льна, расстегнутая у ворота.

Мой мозг диагноста мгновенно, за доли секунды, отключил политический страх и перешел в режим клинического

сканирования. Я не увидела перед собой грозного монарха, вершащего судьбы. Я увидела пациента в состоянии острой, некупированной боли.

Государь не сидел прямо. Его поза была неестественно перекошена - правое плечо приподнято и подано вперед, словно он пытался защитить эту зону от невидимого удара. Левая рука судорожно сжимала край стола. Он дышал очень поверхностно, осторожно, стараясь не расширять грудную клетку, чтобы не провоцировать движение мышц спины. Носогубный треугольник отчетливо побледнел, а на высоком, жестком лбу блестели крупные капли холодной испарины.

Он не собирался меня допрашивать. Его организм просто ломался прямо сейчас, в тишине этой огромной комнаты.

- Маковой воды, - голос Всеволода прозвучал глухо, надтреснуто, сквозь плотно сжатые зубы. Он даже не поднял на меня глаз, глядя в развернутый пергамент. - Или самого крепкого сонного отвара, какой у тебя есть. Полный кубок. Немедленно.

Он просил опиум. Местные лекари наверняка регулярно поили его этой дрянью, чтобы заглушить симптомы, медленно превращая правителя в зависимого наркомана. Он не жаловался и не стонал. Он обращался ко мне как прагматик, требуя инструмент для починки своего вышедшего из строя тела, чтобы просто продолжить работу с донесениями.

- Маковой воды не будет, государь, - мой голос прозвучал в тишине комнаты сухо и ровно.

Всеволод медленно, очень осторожно повернул голову. В его потемневших, провалившихся глазах вспыхнула тяжелая, свинцовая ярость человека, не привыкшего слышать отказы. Но я выдержала этот взгляд, не опустив глаз и не начав кланяться.

- Твоя дерзость имеет границы, знахарка? - тихо спросил он. Каждое слово давалось ему с видимым трудом из-за спазма грудных мышц.

- Моя компетенция их не имеет, - я сделала несколько шагов вперед, остановившись у самого края его рабочего стола. Мои колющие лапти бесшумно ступали по толстому ковру. - Опиум превратит ваш разум в густой, бесполезный кисель на несколько часов. А когда вы очнетесь, боль вернется вдвое сильнее, потому что причина никуда не исчезнет. Снимите рубаху с правого плеча.

Он замер. Его крупная кисть с побелевшими костяшками пальцев сильнее впиалась в дубовую столешницу. Это было прямое, немислимое нарушение субординации. Грязная простолюдинка приказывала правителю раздеться. Но его блестящий, аналитический ум уже понял: я не пытаюсь его унижить. Я беру на себя профессиональную ответственность, которую местные шарлатаны с пиявками боялись взять годами.

Не сказав ни слова, Всеволод подцепил пальцами левой руки ворот тонкого льна и медленно, с едва уловимым коротким выдохом, стянул ткань с правого плеча, обнажая ключи-

цу и часть спины.

Я обошла стол, остановившись за его спиной. Мой взгляд безошибочно выхватил эпицентр катастрофы.

Старая, массивная рубленая рана пересекала лопатку и уходила к шее. Судя по характерным, бугристым краям, в свое время местный лекарь просто залил рассеченное мясо кипящим маслом, как это предписывали дремучие военные трактаты, а затем криво стянул края. В результате образовался чудовищный келоидный рубец. Из-за постоянного стресса, колоссальных нагрузок, недосыпа и сегодняшнего ледяного сквозняка во время карантина широчайшая и трапециевидная мышцы вошли в состояние жесткого, непрерывного спазма. Этот мышечный камень намертво зажал нервные узлы под рубцом.

- Фиброзные тяжи пережали нерв, - констатировала я вслух, скорее для себя, чем для него. - Ваша спина сейчас тверже этого дубового стола. Маковые капли здесь бесполезны. Нужен глубокий миофасциальный разрыв спаек. Механическое воздействие.

- Говори по-русски, женщина, - процедил Всеволод, глядя прямо перед собой в стену.

- Я буду рвать эту сжавшуюся ткань руками, государь. Прямо сейчас. Это будет так больно, что вы захотите приказать страже отрубить мне голову. Если вы готовы - обопритесь обеими руками о стол и опустите подбородок на грудь.

Он не стал задавать лишних вопросов. Власть приучила

его к тому, что за результат всегда приходится платить болью. Всеволод наклонился вперед, жестко уперев ладони в темное дерево столешницы, и опустил голову. Мышцы на его здоровой половине спины напряглись, превратившись в стальные канаты.

Я подняла руки. Отсутствие масел сейчас было мне даже на руку - для глубокого миофасциального релиза нужно жесткое сцепление с кожей, а не скольжение. Мои сухие, сожженные химическим раствором пальцы обеспечат идеальный захват, даже если мне самой придется терпеть сдираемую боль.

- Дышите, - приказала я. - Ровно и глубоко. Не задерживайте воздух, иначе потеряете сознание.

Я положила основания обеих ладоней по краям уродливого рубца. Нашупала эпицентр каменного спазма, где мышца казалась налитой бетоном. И навалилась всем своим весом, используя не силу слабых рук Серафимы, а жесткую биомеханику собственного корпуса, продавливая фасцию.

Всеволод резко, судорожно втянул воздух сквозь сжатые зубы, но не издал ни единого стога.

Я начала медленно, методично, с безжалостной расчетливостью сдвигать спрессованные волокна друг против друга. Кожа на моих ладонях трещала, туго забинтованная царапина на запястье вспыхнула огнем от чудовищного физического напряжения. Пот заливал глаза, но я не обращала на него внимания.

В тишине комнаты раздался мерзкий, влажный, тягучий хруст. Это лопались микроскопические внутренние спайки, годами стягивавшие его плечо.

- Дышать! - рявкнула я, чувствуя, как его спина каменеет от невыносимой боли. - Я сказала, не задерживать дыхание!

Его грудная клетка прерывисто дернулась. Пальцы государя с такой первобытной силой впились в край дубового стола, что я услышала сухой треск ломающейся древесины. Он переламывал свою агонию об это дерево, отказываясь показать слабость даже перед безродной знахаркой. В этом молчаливом, яростном сопротивлении боли было столько концентрированной мужской силы, что мой привыкший к истерикам пациентов разум зафиксировал невольное, глубокое уважение.

Я давила и растягивала застоявшийся мышечный узел долгие десять минут. Поясница ныла так, словно меня перебили палкой. Грубое сукно платья пропиталось моим собственным потом.

Наконец, под основанием моей правой ладони каменный ком дрогнул. Спазм сдался. Ткань внезапно стала податливой, мягкой, словно сжатая пружина внутри его плеча с щелчком лопнула.

- Все, - я с трудом оторвала трясущиеся руки от его спины и сделала неверный шаг назад. Колени предательски подгибались от физического истощения.

Всеволод медленно, со свистом выдохнул. Его грудная

клетка опустилась. Он осторожно, словно не веря собственным ощущениям, повел правым плечом. Затем поднял руку. Свободно. До самого верха. Кровоток мгновенно хлынул в освобожденные ткани, кожа вокруг рубца приобрела здоровый, багровый оттенок.

Я обессиленно прислонилась спиной к тяжелому книжному шкафу у стены. Затылок ныл, перед глазами плавали темные пятна гипогликемии. Я стерла пот со лба тыльной стороной дрожащего запястья.

Государь медленно выпрямился в кресле. Он натянул рубаху обратно на плечо, скрывая следы своей уязвимости, и повернулся ко мне. Его лицо все еще блестело от пота, но землистая серость и маска предсмертной муки исчезли. Глаза смотрели ясно, остро и абсолютно трезво. В этой полутемной комнате сейчас не было тирана и его жертвы. Были два взрослых, изломанных человека, каждый из которых только что выполнил свою изматывающую работу на пределе возможностей.

- Местные коновалы лечили меня заговорами и травами три года, - негромко, ровно произнес Всеволод, рассматривая мои покрасневшие, покрытые ссадинами ладони. - А ты просто порвала мне спину руками. Кто ты такая, Серафима?

- Тот самый инструмент, который работает, когда ваши лекари опускают руки, - я сглотнула вязкую слюну, чувствуя мерзкий вкус железа. - Власть искривляет позвоночник хуже любого меча, государь. И если вы продолжите глушить

свой стресс и недосып маковой водой, ваш сердечный мускул просто разорвется изнутри. Инфаркт. Сердце встанет, и никакая личная гвардия Казакова вас не спасет. Вам нужно спать. Нормально, глубоко, без опиума.

Он долго молчал, изучая мое лицо. В его взгляде не было ожидаемого монаршего гнева на подобную прямоту. В нем читалась холодная, вымороженная прагматика правителя, который наконец-то нашел деталь, способную удержать его личный механизм от окончательного разрушения. Он понимал, что моя прямолинейная жестокость в лечении - это высшая форма преданности результату, а не лесть, к которой он привык.

Всеволод медленно поднялся из-за стола. Он подошел вплотную ко мне. Я не отстранилась, хотя мой рост едва достигал его подбородка. Государь сунул руку за пазуху и достал небольшой, но тяжелый предмет.

Он протянул свою раскрытую ладонь. На ней лежал личный княжеский перстень с массивной, искусно вырезанной печатью Белогорского герба на темном камне.

- Забери это, - его голос прозвучал тихо, но в нем лязгнула сталь непререкаемого приказа. - Мой брат жив. Моя спина выпрямилась. С этой ночи ты подчиняешься только мне лично. Если кто-то из бояр, слуг или псов Казакова сунется в твою аптеку и попытается диктовать тебе свои условия - покажи им этот камень.

Я осторожно, онемевшими пальцами взяла тяжелое, хра-

нившее тепло его тела кольцо.

- А если они не поймут знака? - так же тихо, без капли иронии спросила я, прекрасно зная, насколько упрямы бывают местные аристократы.

- А если не поймут - трави их своим аконитом, - уголки его губ едва заметно дрогнули в суровой, почти волчьей усмешке.

Он знал. Гавриил определенно успел доложить ему о нашем разговоре в аптеке и изъятом яде, прежде чем государь послал за мной стражу. Система сыска работала безупречно.

- Я позволяю, - закончил Всеволод. - Иди спать, знахарка. Завтра у тебя будет много работы.

Я коротко кивнула, развернулась и пошла к выходу. Мои лапти беззвучно ступали по коврам. Толкнув тяжелую створку двери, я вышла в ледяной, продуваемый сквозняками коридор.

Оставшись одна, я прислонилась лбом к холодной медной обивке двери и закрыла глаза. Сердце постепенно сбавляло безумный ритм. В моем левом кармане лежал яд, способный убить десятки людей, а в правой руке я сжимала печать, дающую мне абсолютный, непререкаемый государственный иммунитет.

Я спасла этого сурового мужика от боли не из милосердия. Я сделала это потому, что он был единственным стержнем, удерживающим этот дикий, первобытный мир от полного хаоса. И теперь этот стержень нуждался в моей защите

так же сильно, как я нуждалась в его власти.

Глава 8. Свинцовая красота

Я методично, корень за корнем, перебирала пыльную труху на широких, выскобленных дубовых досках стола. Гнилье летело в деревянное ведро под ногами, а более-менее чистая, сухая мыльнянка отправлялась в холщовый мешок. Мышцы моих предплечий и спины сводило тугой, противной судорогой. Жесткие, тянущие последствия вчерашнего ночного силового массажа, когда мне пришлось голыми руками, продавливая мышечные фасции, рвать старые спайки на искаленном плече государя Всеволода.

Тяжелый княжеский перстень с темным камнем, подаренный мне правителем, лежал тут же на столе, прижимая стопку чистых, прокипяченных льняных тряпиц. Власть в этом дремучем, патриархальном мире имела вполне конкретный физический вес и холодный металлический блеск.

Я машинально потерла ноющие костяшки пальцев. Царапина на запястье, туго стянутая чистой полоской ткани, не воспалилась - промывка крепким самогоном сделала свое базовое антисептическое дело. Кожа на руках после вчерашнего едкого щелока безбожно сохла и трескалась, но тело Серафимы медленно адаптировалось к ритму выживания. По крайней мере, старик Фрол на рассвете выменял у дворцовых прачек простое, колючее, но чистое полотняное платье. Окровавленный, пропотевший арестантский мешок отпра-

вился в печь, и теперь я хотя бы не рисковала подхватить тиф от собственных лохмотьев.

Ржавые петли тяжелой двери аптеки протяжно скрипнули. Фрол, дремавший у натопленной печи, испуганно подскочил, но я коротким, жестким кивком указала ему на выход в коридор. В палату без предупреждения скользнула женская фигура, с ног до головы закутанная в тяжелый темный плащ из плотной шерсти. Ее лицо скрывала частая, непроницаемая вуаль.

Воздух аптекарского приказа, пахнувший сухой полынью, пылью и березовым дегтем, мгновенно прорезал густой, удушливо-сладкий аромат розового масла. Слишком концентрированный. Слишком навязчивый. В отделении острой токсикологии я давно усвоила одно железное правило: если пациент выливает на себя половину флакона агрессивного парфюма, он почти всегда пытается замаскировать им другой, пугающий его запах. И я безошибочно его уловила. Из-под темной вуали гостыи едва заметно, но неотвратимо тянуло кислым, гнилостно-металлическим душком разрушающейся слизистой оболочки.

- Говорят, ты выгнала бесов из княжича голыми руками, - голос посетительницы дрожал от подавляемой паники, но властные интонации выдавали женщину, привыкшую безусловно повелевать дворней.

Она откинула капюшон плаща, и тяжелый бархат с шорохом упал на ее плечи. Марфа Лямзина. Жена того само-

го главы Казначейского приказа Тихона, которого я вчера публично, при свидетелях отчитала за принесенную жирную свинину в покоях больного Ярополка. Прийти сюда тайком, рискуя навлечь на себя гнев своего высокопоставленного и ненавидящего меня мужа, первую красавицу двора могла заставить только абсолютная, животная безысходность.

- Я не экзорцист, боярыня, - сухо и ровно ответила я, даже не подумав встать с деревянного табурета. - Я лекарь. На что конкретно жалуетесь?

Марфа отбросила вуаль раздраженным жестом. Для любого придворного ее лицо показалось бы эталоном местной аристократической моды и богатства: толстый, неестественно ровный слой белил, намертво перекрывающий кожные поры, и яркие, почти багровые круглые пятна румян на скулах.

- Порчу на меня навели смертную, - прошипела она, нервно комкая в унизанных перстнями пальцах тонкий кружевной платок. - Завистницы в теремах извести хотят. Волосы на гребне остаются целыми прядями. Во рту с самого утра вкус такой мерзкий, словно я старых медных монет наглоталась. Десны кровоточат черной кровью, никакие травяные полоскания не берут. А к вечеру поясницу так тянет свинцовой тяжестью, что разогнуться мочи нет. Твои предшественники-коновалы мне святую воду давали и заговоры читали. Ничего не помогает.

Мой мозг диагноста сработал в несколько раз быстрее,

чем она закончила перечислять симптомы. Хрестоматийная, классическая клиническая картина. Никакой загадки для человека с высшим медицинским образованием.

- Это не сглаз, - я медленно сцепила сухие пальцы в замок, положив руки на столешницу и глядя прямо в ее расширенные от первобытного страха глаза. - И завистницы здесь совершенно ни при чем. Вас убивает ваша собственная ежедневная шкатулка с косметикой.

- Что ты несешь, деревенщина? - Марфа побледнела даже под толстым слоем штукатурки.

- Говорю то, что есть. Ваши хваленые дорогие белила замешаны на чистом свинце. А яркие румяна - это киноварь, сульфид ртути. Вы годами, изо дня в день, добровольно втираете смертельные дозы тяжелых металлов в свою кожу. Яд беспрепятственно проникает в кровь, оседает в костных тканях и методично, разрушительно бьет по вашим почкам. Отсюда и невыносимые боли в пояснице по вечерам.

В этот суровый век статус женщины определялся не только дорогими тканями, но и количеством краски на лице. По местным дремучим меркам только чумазые крестьянки и кухарки ходили с умытыми, естественными щеками. Мой прямой диагноз ударил по самому больному месту ее сословной гордости.

Марфа резко, пружинисто выпрямилась. Темный бархатный плащ угрожающе качнулся.

- Ты в своем уме, девка? - ее голос сорвался на пронзи-

тельный визг. - Я первая дама при княжеском дворе! Мой законный муж стирает таких дерзких простолюдинок, как ты, в лагерную пыль одним словом! Ты смеешь говорить мне, что я сама себя травлю, только потому, что твоих куриных мозгов не хватает понять, как порчу снять?!

Она круто развернулась, чтобы немедленно покинуть палату.

Я не стала повышать голос. Вступить в базарную перепалку с человеком в состоянии отрицания - пустая трата энергии. Я просто спокойно протянула руку, взяла со стола личный княжеский перстень и медленно надела его на свой большой палец.

- Сядьте, Марфа, - произнесла я с той специфической, ледяной металлической интонацией, от которой в моем прошлом мире мгновенно замолкали даже самые агрессивные родственники пациентов.

Боярыня замерла у массивной двери. Ее взгляд упал на мою руку и сфокусировался на массивной печати с белогорским гербом. Аристократическая спесь слетела с нее мгновенно. В этом обществе абсолютной монархии кусок металла на моем пальце значил гораздо больше, чем все накопленное состояние ее влиятельного мужа.

- У вас есть два пути, - я коротко указала на табурет напротив себя. - Либо вы прямо сейчас садитесь, мы смываем вашу гордость и начинаем лечение. Либо вы уходите, а я сегодня же докладываю государю, что жена казначея категори-

чески отказалась исполнять медицинскую волю его личного лекаря. И тогда Тихону придется лично объяснять Всеволоду, почему его семья брезгует княжеской опекой.

Она тяжело сглотнула. Медленно, на негнущихся ногах Марфа подошла к столу и обреченно опустила на сиденье. Я поднялась, налила в широкий медный таз горячей воды из тяжелого чугунок и бросила туда вонючий кусок дегтярного мыла.

- Смывайте, - скомандовала я. - Все до последней капли. И чтобы кожа скрипела.

Марфа глотала злые, бессильные слезы, но яростно терла лицо грубой мыльной пеной. Едкая щелочь дегтярного мыла безжалостно разъедала масляную основу свинцовых белил. Когда она закончила экзекуцию, промокнув лицо предложенным чистым льняным полотенцем, я достала из ящика отполированную до блеска медную пластину.

Боярыня издала сдавленный, полный первобытного ужаса всхлип.

Под толстой маской нарисованной красоты скрывалась подлинная физиологическая катастрофа. Ее настоящая кожа была землисто-серой, сухой и истонченной. На скулах отчетливо багровели шелушащиеся химические ожоги от регулярного применения ртути. Вокруг губ залегла густая сеть глубоких, преждевременных морщин обезвоживания.

- Откройте рот, - приказала я. Загнанная в угол собственным отражением, она покорно повиновалась. - Характерная

сине-свинцовая кайма у основания десен. Линия Бертон. Вот откуда берется этот запах и черная кровь. Вы медленно, заживо гниете изнутри, боярыня.

- Что мне теперь делать? - едва слышно прошептала она. Вся ее былая надменность растворилась в паническом страхе перед мучительной смертью. Женщина, чьим единственным капиталом в этом мире была красота, внезапно осознала свое банкротство.

- Полный, категорический отказ от любых красок, - я начала диктовать протокол лечения. - Лицо умыть только отваром ромашки. Для десен я дам крепкий настой коры дуба, полоскать рот трижды в день. А самое главное - ваша диета. Будете пить свежее коровье молоко. Не меньше кувшина в день. Тяжелый животный белок и кальций будут связывать токсины свинца в желудке, не давая им дальше всасываться в кровь. Яд не выйдет полностью, но мы сможем купировать разрушение почек. Если послушаетесь и снова намажете лицо этой дрянью - через полгода почки окончательно встанут, и вы умрете в тяжелейших судорогах.

Марфа Лямзина больше не проронила ни слова. Она порывисто накинула капюшон плаща, пряча в спасительной тени свое истинное, больное лицо, и бесшумной тенью выскользнула из аптеки. Жизнь я ей определенно спасла, но ее тщеславие только что было растоптано в пыль жестокой правдой. Униженная женщина всегда в разы опаснее уязвленного в споре мужчины. Теперь у казначея Тихона появил-

ся идеальный союзник в его ненависти ко мне.

Я осталась одна в пропахшей сыростью палате. Окинув критическим взглядом свои запасы сушеных трав, я тяжело вздохнула. Примитивных отваров на воде мне катастрофически мало для серьезной работы. Мне нужны крепкие спиртовые экстракты. Концентрированные вытяжки растительных алкалоидов из того же аконита для местного обезболивания, потому что государь Всеволод не сможет вечно терпеть ломку спазмов в своей спине, а я не смогу рвать их руками.

Отставив лоток с корой, я придвинула к себе чистый пергамент и вытащила из остывшей печи уголек. Мои пальцы уверенно вывели первый контур - широкое дно перегонного куба, а затем сложную, математически выверенную спираль охлаждения. Обычный самогон не годился. Мне предстояло на пальцах объяснить местным кузнецам, как правильно выковать первый в истории этого княжества аламбик, способный выдать чистый девяностоградусный этанол. Без него моя медицина останется здесь лишь набором удачных фокусов.

Глава 9. Перегонный куб

- В крутом кипятке алкалоиды практически не растворяются, Фрол, - я с откровенным раздражением отбросила пучок сушеного борца на выскобленную дубовую столешницу. Сухие корешки со стуком разлетелись по доскам. - Ваши водные отвары - это абсолютно бесполезная, дилетантская полумера. Они лишь слегка, поверхностно оглушат боль государя, но никогда не доберутся до зажатых нервных узлов под рубцом. Обычный местный первач, щедро сдобренный сивушными маслами, годится разве что на грубую промывку ран. Для ювелирной вытяжки смертельных ядов мне требуется абсолютно чистый этанол без примесей. Иначе моя работа здесь теряет всякий медицинский смысл.

Фрол, перебиравший в углу какие-то пыльные веники, истово перекрестился, глядя на корень аконита как на свернувшуюся кольцами ядовитую гадюку. Его дремучий разум отказывался принимать концепцию, в которой яд может служить лекарством. Для него существовали только бесы и святая вода.

Я придвинула к себе обрывок плотного, желтоватого пергамента и взяла затупившийся кусок уголька. Физиология моего нового тела настойчиво напоминала о себе. Пальцы неприятно саднили и не желали нормально сгибаться. Едкий щелок, которым я несколько дней назад маниакально отмы-

вала полы и столы от вековой гнили, начисто сжег естественный липидный слой кожи. Обычные мозоли Серафимы потрескались, превратив ладони в грубую наждачную бумагу. Царапина на запястье, спрятанная под чистой льняной повязкой, благополучно стянулась без воспаления, но теперь противно чесалась, постоянно напоминая о разбитом мной окне в покоях Ярополка.

Игнорируя этот фоновый дискомфорт, я склонилась над столом и начала вычерчивать строгую, математически выверенную схему аламбика. Широкое, пузатое медное дно для равномерного нагрева, шлем-дефлегматор нужного объема и длинная, закрученная спираль змеевика. Моя рука двигалась уверенно, восстанавливая по памяти чертежи старинных дистилляторов, которые мы когда-то ради смеха изучали на курсе истории фармакологии в мединституте.

- С медью к кузнецам сунуться удумала? - прошамкал старик, осторожно заглядывая мне через плечо. От него привычно пахло немытым телом и кислой капустой. - Игнат тебя, бабу, за порог сразу выставит, и слушать не станет. Медь казенная, государственная, стратегический припас! Она только на пушки идет, на колокола да на котлы поварские. За кусок меди без приказа на дыбу вздернут.

Я молча стряхнула черную угольную пыль с пергамента. Вытащила из привязанного к поясу моего простого полотняного платья кожаного кошель тяжелый перстень с белогорским гербом, лично подаренный мне Всеволодом, и мед-

ленно надела его на большой палец правой руки. На тонких пальцах Серафимы мужское кольцо не держалось, а вот на большом село плотно, уверенно обхватив сустав.

- Значит, старшему мастеру Игнату придется сделать одно маленькое историческое исключение, - сухо констатировала я, скатывая чертеж в тугую трубку, и шагнула за дверь в прохладный коридор.

Дворцовый кузнечный двор встретил меня удушливым, плотным жаром, оглушительным ритмичным грохотом тяжелых молотов и едким запахом раскаленной железной окалины. В этом мрачном царстве пота, тестостерона и летящей сажи появление хрупкой женщины вызвало предсказуемую заминку. Стук молотков затих один за другим. Старший мастер Игнат - кряжистый, квадратный мужик с руками толщиной в мое бедро и лицом, продубленным огнем горна - смерил меня тяжелым, снисходительным взглядом.

Но я не стала тратить драгоценное время на препирательства, просьбы или попытки доказать свое равноправие в семнадцатом веке. Я просто молча подошла к ближайшей пустой наковальне, положила на нее левую руку, демонстрируя массивный княжеский перстень, а правой развернула чертеж.

Игнат, уже открывший рот, чтобы рывкнуть на меня, осекся на полуслове. Его взгляд упал на герб.

- Мне нужна вот эта конструкция, мастер, - мой голос прозвучал ровно, прорезая установившуюся в кузне тишину. Я ткнула пальцем в нарисованный змеевик. - Особенно важна

вот эта трубка. Тонкая и длинная. И самое главное: чтобы при сгибании спиралью медь не сплющилась на сгибах и не перекрыла ход воздуху.

- Медь тонкая сомнется, - буркнул Игнат, но подошел ближе, вглядываясь в схему.

- Забьешь внутрь трубки сухой, мелкий речной песок, плотно утрамбуешь и запечатаешь концы наглухо, - объяснила я базовый закон физики. - Потом начнешь аккуратно гнуть на горячую. Песок не даст стенкам опасть внутрь. А когда спираль остынет - выбьешь заглушки и высыплешь песок вон. Внутренний просвет должен остаться идеально круглым. Это критически важно. Справишься?

Кузнец исподлобья посмотрел на меня. В его выцветших глазах исчезло привычное высокомерное презрение к бабе, уступив место подлинному профессиональному интересу ремесленника. Физика и геометрия универсальны в любом веке. Он понял, что я не требую от него невозможного магического чуда, а даю конкретную, грамотную инженерную технологию.

- Что за адскую машину ты строишь в моей оружейной кузне, знахарка?

Знакомый низкий баритон заставил Игната вытянуться по струне и почтительно склонить голову. Всеволод подошел к наковальне абсолютно бесшумно. На государе не было ни короны, ни парадного бархата - только простой темный кафтан из жесткой шерсти и высокие сапоги. Он явно проводил ру-

тинную инспекцию дворцовых запасов стратегического металла.

Князь взял мой пергамент. Его жесткие, сильные пальцы прошлись по неровному краю листа. Всеволод, как человек, часами проводивший ночи за вычерчиванием новых торговых путей и работой с деревом, мгновенно оценил идеальные пропорции и пространственную перспективу моего рисунка. В его усталом взгляде мелькнуло нечто, очень похожее на глубокое удивление, быстро сменившееся задумчивостью.

- Это перегонный куб, государь, - спокойно ответила я, выдерживая его прямой, изучающий взгляд. - В научном мире его называют аламбик. Вода кипит при одной температуре, а хмельной дух, скрытый в вине - при другой, более низкой. Если нагреть жидкость правильно, не доводя до крутого вара, хмельной дух испарится первым. Он пойдет по этой медной трубке вверх, затем охладится холодной водой снаружи змеевика и стечет в сосуд чистой, крепчайшей слезой. Без этого чистого спирта я никогда не сделаю лекарство, способное снять каменный мышечный спазм в вашей израненной спине. А ваши местные зелья не работают.

Всеволод долго, неотрывно смотрел в мое лицо. В кузне стоял невыносимый шум, в соседнем горне ревело пламя, летели красные искры, но между нами снова повисло то самое плотное, наэлектризованное напряжение, которое я почувствовала в его покоях несколько ночей назад. Он видел перед собой не испуганную дворцовую пленницу. Он видел хо-

лодный, расчетливый и невероятно умный механизм, который методично конструирует инструменты для собственного выживания. И этот чужой интеллект притягивал его гораздо сильнее, чем показная покорность бояр.

- Бросить ковать решетки для арсенала, - не отрывая от меня своих потемневших глаз, приказал Всеволод старшему кузнецу. В его голосе лязгнула сталь непререкаемой власти. - Сделать эту вещь в точности, как нарисовано на пергаменте. Медь взять из моих личных запасов. Срок - три дня.

Но мастера всегда остаются мастерами, в любую эпоху. Спустя четверо суток напряженного ожидания тяжелые, сверкающие свежей полировкой и пахнущие металлом медные детали наконец-то принесли в Аптекарский приказ.

Я не позволила никому из прислуги даже прикасаться к сборке установки. Сама установила тяжелый, пузатый куб на специально выкованную железную решетку над раскаленными углями печи. Самой сложной задачей в этих дремучих условиях оказалась герметизация. В семнадцатом веке не существовало силиконовых прокладок или резиновых трубок, поэтому мне пришлось использовать историческую органическую химию.

Я замесила в широкой деревянной миске очень густое, крутое тесто из ржаной муки и воды. Этим липким составом я щедро, в несколько слоев обмазала все стыки между шлемом аппарата и выводной трубкой. При нагревании тесто запечется в глухой, монолитный камень, намертво бло-

кируя любые микрощели и не пропуская драгоценные ядовитые пары спирта наружу.

Длинный медный змеевик мы поместили в глубокую дубовую бадью.

- Таскай воду, Фрол, - жестко скомандовала я старику, который жался к дальней стене, бормоча охранительные молитвы. - И только ледяную, прямо из колодца во дворе. Вода в бадье ни в коем случае не должна нагреваться, иначе пар внутри трубки не осядет и просто взорвет нам крышку. Будешь вычерпывать теплую и подливать студеною непрерывно.

Залив в медное чрево куба три ведра самого крепкого первача, который стража по моему требованию конфисковала прямо с княжеской поварни, я закрыла конструкцию и запечатала последний шов. Термодинамический процесс пошел.

Воздух в аптекарской палате постепенно нагрелся, наполнившись густым, специфическим теплом. Ржаное тесто на стыках медных деталей ожидаемо потемнело, покрылось трещинами и взялось твердой, непробиваемой коркой, источая уютный запах горелого черного хлеба. Я сидела на жестком деревянном табурете, напряженно сцепив руки на коленях, и не сводила глаз с медного кончика змеевика, торчащего из отверстия в нижней части бадьи.

Медь под моими руками тихо, низко гудела, словно живой организм. Точных стеклянных термометров у меня здесь не было, поэтому приходилось контролировать уровень на-

грева исключительно на слух, ориентируясь на характерное, глухое бульканье внутри куба и температуру стенки. Главное - не допустить закипания воды, иначе в трубку пойдет бесполезный пар.

Время тянулось невыносимо медленно. Фрол, тяжело дыша и кряхтя, непрерывно подливал студеною воду, от которой шел сизый морозный пар, смешиваясь с жаром печи.

И вот, наконец, физика одержала победу над средневековьем.

На идеально круглом срезе медной трубки набухла тяжелая, абсолютно прозрачная капля. Она на секунду задержалась на металле, словно раздумывая, а затем сорвалась и с тихим, хрустальным звоном упала на дно подставленной мной широкой стеклянной колбы. За ней тут же последовала вторая. Затем третья, собираясь в тонкую, прерывистую струйку.

Я подставила указательный палец под эту струйку. Растерла холодную прозрачную жидкость по загрубевшей коже ладони и медленно поднесла руку к лицу.

Резкий, пронзительный, обжигающий обонятельные рецепторы химический запах чистого девяностоградусного этанола с размаху ударил в ноздри.

У меня мгновенно перехватило дыхание. На одну короткую, ослепительную секунду перед глазами поплыли серые каменные своды Аптекарского приказа, сменяясь слепящим, режущим белым светом люминесцентных ламп. В этом за-

пахе была сконцентрирована вся моя прошлая, безвозвратно ушедшая жизнь. Запах безупречно стерильной операционной, блестящих стальных инструментов на подносе, холодного кафеля в коридорах скорой помощи и абсолютной научной безопасности. Запах понятной, подконтрольной мне вселенной, где смерть можно измерить в миллиграммах на килограмм веса. Дом, которого больше не существовало.

Горло больно сжало жестким спазмом, к глазам подступили непрошеные, злые слезы. Но я сцепила зубы и заставила себя сделать глубокий, судорожный выдох, прогоняя нахлынувшие фантомы. Позволять себе сентиментальную слабость ностальгии в этом первобытном, жестоком мире было непозволительной, смертельно опасной роскошью. Я медленно, методично вытерла палец о грубый холщовый фартук, возвращаясь в реальность.

Затем я подошла к рабочему столу. Достала из поясного кошелька плотный кожаный кисет, изъятый у иноземного шпиона Гавриилом Казаковым, и развязала тугой шнурок. Внутри покоился сморщенный, темный сухой корень аконита.

Мой главный, самый мощный фармакологический инструмент был готов. Я больше не была бесправной жертвой, пытающейся остановить кровотечение пучком лугового подорожника. Используя суровую, безжалостную науку, я начинала перекраивать эту реальность под собственные правила выживания. И государь Всеволод станет первым, кто на

себе испытает подлинную силу моей медицины.

Глава 10. Триггер из прошлого

Любая человеческая эмоция - это всего лишь примитивный химический коктейль, вброшенный в кровоток. Страх пахнет адреналином, привязанность базируется на окситоцине, а физическая боль - это электрический сигнал, бегущий по нервным волокнам со скоростью сто двадцать метров в секунду. Мой разум, выдрессированный годами работы в отделении острой токсикологии, привык раскладывать мир на формулы. В этой холодной, безжалостной биохимии не было места для мистики, сглаза или жалости к себе.

Я повторяла про себя эти базовые медицинские аксиомы, пока мои глаза невыносимо слезились от едких, агрессивных испарений. Я стояла над широким, выскобленным дубовым столом в Аптекарском приказе и методично, порция за порцией, процеживала сквозь плотную льняную ткань густую, маслянистую красноватую жидкость.

Прошло ровно трое суток с того момента, как запущенный мной медный перегонный куб выдал первую стеклянную колбу чистого, девяностоградусного этанола. Спирт блестяще справился со своей задачей как универсальный органический растворитель. Заполучив его, я первым делом отправилась на княжескую поварню, где, недвусмысленно блеснув тяжелым перстнем государя на большом пальце, конфисковала у перепуганного шеф-повара целый мешок

сушеного заморского жгучего перца. Повара использовали его крошечными щепотками для маринада дичи, совершенно не подозревая о колоссальном фармакологическом потенциале растения.

Три дня измельченный в пыль перец настаивался в спирте, отдавая ему свою ядовитую силу. И сейчас я аккуратно отжимала жмых, получая чистый, концентрированный экстракт капсаицина. Это был мощнейший локальный раздражитель. Идеальная основа для согревающей мази, которая заставит кровь прилить к израненной, изуродованной спайками спине государя Всеволода, снимая каменный мышечный спазм без необходимости рвать его фасции моими голыми руками.

Кожа на моих ладонях, напрочь лишенная липидного слоя после недавней маниакальной уборки с едким щелоком, все еще была сухой и грубой, как кора старого дерева. Глубокая царапина на запястье, которую я заработала, выбивая слюдяное окно в покоях задыхающегося Ярополка, благополучно стянулась жесткой коркой под чистой повязкой и теперь мучительно чесалась - верный признак активной регенерации тканей. Тело Серафимы медленно, со скрипом адаптировалось к моему темпу выживания.

Тяжелая, обитая потемневшей медью дверь палаты протяжно скрипнула. Я не стала оборачиваться, ожидая увидеть присланного за зельем мальчишку-слугу или кряхтящего лекаря Фрола, которого я час назад услала на мороз колоть дро-

ва, чтобы не мешался под ногами.

- Закрой за собой плотнее, - бросила я сухо, не отрываясь от фильтрации. - Сквозняк выстуживает помещение, а мне нужна ровная температура.

Вместо шарканья старых лаптей или торопливого шага прислуги за моей спиной раздался звонкий, сдавленный девичий кашель - вошедший с непривычки глотнул пропитанного перечными парами воздуха.

Я завязала тугой узел на марлевом мешочке со жмыхом, бросила его в глиняную миску и неторопливо повернулась.

На пороге стояла девушка. Мой мозг, привыкший к мгновенной клинической оценке пациентов в приемном покое, автоматически отсканировал ее внешность. Возраст - около шестнадцати лет. Бледная, почти прозрачная кожа с явным дефицитом витамина D - классический маркер затворнической жизни в боярских теремах, куда редко проникает нормальный солнечный свет. Ее осанка была слегка испорчена: тяжелый, многослойный сарафан из плотного синего бархата, расшитый речным жемчугом, буквально давил на неокрепшие плечи, провоцируя развитие раннего сколиоза и мешая нормальной экскурсии легких.

Но вот глаза у нее были темными, умными и абсолютно не забитыми. Это была Злата Добронравова, родная племянница государя Всеволода. Единственный ребенок в этом мрачном каменном замке, имеющий статус высшей правящей знати.

- Говорят, ты бесов голыми руками из людей вынимаешь, - звонко, но с легкой настороженностью произнесла Злата, делая неуверенный шаг от двери. Кашель отступил, уступив место откровенному подростковому любопытству. - Мамки шепчутся, что ты дядьке Ярополку ребра в щепки раздробила, а на днях с первой красавицы двора, Марфы Лямзиной, лицо живьем сняла. Я сбежала с заднего двора, чтобы на тебя посмотреть. Думала, у тебя рога под платком прячутся или глаза в темноте светятся.

- Разочарована? - я спокойно вытерла влажные руки о грубый холщовый фартук, надетый поверх моего простого льняного платья. - Рогов нет. Глаза обычные. А боярыне Марфе я спасла почки от верного разрушения свинцом, который она годами килограммами мазала себе на щеки. Но это длинная, скучная лекция по токсикологии тяжелых металлов, княжна. Вам не будет интересно.

Злата осмелела. Мой будничный, лишенный всякого подобострастия или религиозного трепета тон подействовал на нее успокаивающе. Она подошла ближе к моему рабочему столу, с неподдельным интересом разглядывая блестящие медные ступки, ряды вымытых глиняных горшочков и пучки трав, подвешенные под потолком на суровых нитках. В ее движениях не было ожидаемой аристократической брезгливости к простолюдинке, скорее живая, неумная жажда познания мира, который был от нее надежно заперт за высокими стенами дворца.

- А это что за семена? - она потянулась тонкими, унизированными серебряными кольцами пальцами к деревянному лотку с высушенным укропом.

Задавая этот невинный вопрос, Злата машинально, абсолютно естественно заправила непослушную русую прядь волос за ухо и коротко, чуть виновато улыбнулась.

И в эту секунду мой рациональный, выстроенный из циничного железобетона внутренний мир с грохотом рухнул.

Этот жест. Этот легкий наклон головы. Эта специфическая, смущенная улыбка. Все это с пугающей, стопроцентной, голографической точностью скопировало Алису. Мою единственную дочь. Дочь, которая умерла от стремительного, неконтролируемого анафилактического шока на моих же руках в прошлой жизни, потому что я, блестящий врач, не успела ввести ей нужную дозу адреналина.

Симптоадреналовый криз ударил по мне без малейшего предупреждения, сокрушительно, словно мне прямо в сонную артерию вкололи кубик чистого эпинефрина.

Клиническая картина тяжелой панической атаки развернулась за доли секунды. Резкий спазм коронарных сосудов сдавил грудную клетку стальным обручем так, что я физически слышала хруст собственных хрящей. Пульс мгновенно разогнался до ста сорока ударов в минуту, тяжело и ритмично вбивая густую кровь в барабанные перепонки. Периферическое зрение отключилось, сузившись до темного, дрожащего туннеля. В конце этого туннеля стояла не княжна XVII

века, а моя мертвая девочка в современной реанимации, а в ушах стоял непрерывный, тягучий писк монитора остановки сердца. Воздух в аптеке превратился в раскаленное, неперевариваемое легкими стекло.

Я резко отвернулась от стола, до побеления костяшек вцепляясь в неровный дубовый край. Дышать. Мне нужно просто заставить себя дышать.

- Госпожа? - голос Златы донесся до меня словно сквозь плотную толщу воды. В нем зазвучал неподдельный детский испуг. - Вам худо?

Я не имела права падать в обморок. Я не имела права показывать свою уязвимость. Мозг лихорадочно искал пути отхода, цепляясь за реальность.

- Перец... - прохрипела я, намеренно заходясь в судорожном, лающем кашле, блестяще маскируя приступ удушья под аллергическую реакцию на пары капсаицина. - Жгучий дух... в гортань попал.

Я зажмурилась и начала дышать по квадрату - жесткой, проверенной армейской методике купирования паники. Четыре секунды медленный вдох. Четыре секунды задержка. Четыре секунды выдох. Четыре секунды пустота. И так по кругу. Я насильно, через физическую боль заставляла свою парасимпатическую нервную систему затормозить этот химический пожар.

Вместо того чтобы с визгом выскочить из страшной палаты и побежать жаловаться нянькам, как поступила бы любая

избалованная девица ее статуса, Злата бросилась к дубовой кадушке в углу. Она схватила деревянный ковш, зачерпнула чистой колодезной воды и, стараясь не расплескать, поднесла ко мне.

- Пейте, - тихо сказала княжна, осторожно касаясь моего локтя. В ее темных глазах плескалась абсолютно зрелая, недетская эмпатия.

Я взяла ковш трясущимися руками. Ледяная вода обожгла пищевод, заставляя желудок рефлекторно сжаться, но это физическое воздействие помогло окончательно разорвать ментальную петлю паники. Пульс медленно, нехотя пополз вниз. Туннельное зрение расширилось, возвращая мне очертания закопченных стен, горячей печи и пыльного пола.

Моя первая, инстинктивная реакция была эгоистичной и жестокой - наорать на девчонку. Выгнать ее вон, запереть массивную дверь на засов и никогда больше не подпускать к себе ни одного ребенка в этом дворце. В этом грязном мире, лишенном антибиотиков, прививок и хирургии, любая банальная инфекция убивала детей за три дня. Привязаться к ребенку здесь означало добровольно положить свое сердце под топор. Повторную потерю я просто не переживу. Моя психика не выдержит второго такого удара.

Но я посмотрела на Злату. На подростка, которого через пару лет политически выгодно продадут в союз какому-нибудь знатному боярскому клану. Удел которой - рожать наследников в душном, запертом тереме, истово молиться и с

высокой долей вероятности умереть от родильной горячки в руках неграмотных повитух. И я поняла, что не смогу выгнать ее. Одиночество - это великолепная броня, но под ней слишком быстро сгнивает душа.

Я допила воду, с громким стуком поставила ковш на стол и выпрямила спину. Вернув себе привычный, сухой и абсолютно непроницаемый ледяной тон, я посмотрела на княжну.

- У меня здесь нет времени на экскурсии и пустые светские разговоры, Злата, - чеканя каждое слово, произнесла я. - Я не нянька и не скоморох. Если вы хотите находиться в этой палате, вы будете работать руками. Ваши дорогие шелковые рукава испачкаются в ягодном соке, а под ногтями будет черная земля. И жаловаться будет некому.

Княжна удивленно моргнула, но не отступила ни на шаг. Ее подбородок упрямо вздернулся.

Я придвинула к ней широкий деревянный лоток, доверху заваленный неразобранными сухими корнями мыльнянки.

- Будете перебирать это. Гнилое и трухлявое - в ведро под столом на растопку печи. Целое и чистое - в холщовые мешки, - я коротко указала на инструмент. - Заодно усвоите первое и главное правило медицины, которое открыл один умный иноземный лекарь задолго до нас с вами. Запомните: абсолютно все есть яд, и ничто не лишено ядовитости. Разницу между смертельной отравой и спасительным лекарством определяет только одно - правильная доза.

Злата просияла. Она без малейших колебаний, совершенно не заботясь о сохранности своего княжеского наряда, зашучила тяжелые рукава по самые локти и запустила тонкие пальцы в пыльную гору сухих кореньев. Ее энтузиазм был искренним.

Я стояла у теплой кирпичной печи, молча наблюдая за склонившейся над травами княжной. Мои собственные пальцы методично, с силой затягивали плотную кожаную пробку на стеклянном флаконе с только что отфильтрованным экстрактом капсаицина. В груди медленно расплывалась странная, давно забытая горькая теплота. Лед внутри меня дал огромную трещину.

Но мой прагматичный разум врача не питал иллюзий.

Сегодня я добровольно впустила в свою вымороженную, безопасную жизнь человеческую привязанность. Я позволила себе увидеть в этой девочке живого человека, а не просто объект для диагностики. И это значило только одно: я собственными руками нарисовала идеальную, яркую мишень на своей спине для тех, кто ищет способ меня уничтожить. Спрятав готовый флакон с обжигающим экстрактом в глубокий карман платья, я знала, что он мне обязательно понадобится. Местные интриганы, вроде униженного мной казначея Тихона Лямзина, не умели прощать чужой силы, и мой новый статус фаворитки государя просто не мог остаться без кровавого ответа.

Глава 11. Перец и сталь

Барсучий жир при температуре около нуля градусов застывает в плотную, тяжелую массу, по консистенции отдаленно напоминающую старое хозяйственное мыло. Я с силой надавила на деревянную лопатку, откалывая кусок от казенного запаса в дубовом бочонке, и переложила его в свой небольшой глиняный горшок. Дворцовый ледник - глубокий, выложенный диким камнем подвал, куда зимой свозили глыбы речного льда - встретил меня стылым, пробирающим до самых костей холодом. Из рта при каждом выдохе вырывались облачка густого белого пара.

После визита юной Златы и того неконтролируемого выброса адреналина, который едва не разорвал мне грудную клетку болезненными фантомами прошлого, физическая усталость казалась почти благословением. Эмоции выгорели дотла. Мозг снова перешел в привычный режим сухого, отстраненного медицинского алгоритма.

Жир был мне критически необходим прямо сейчас. Это идеальная липидная база. Если я просто нанесу концентрированный спиртовой экстракт жгучего перца на искалеченную рубцами спину Всеволода, чистый капсаицин оставит на его коже жесточайший химический ожог вплоть до волдырей. Мне нужно было связать активный алкалоид с животным салом, чтобы получить медленно впитывающуюся, глу-

боко согревающую мазь для снятия мышечного спазма.

Я рефлекторно похлопала по правому карману своего жесткого льняного фартука, надетого поверх платья. Пальцы нащупали холодное стекло толстостенного флакона. Внутри плескалась та самая маслянистая жидкость, на вытяжку которой я потратила три дня и литры дефицитного чистого этанола. Кожаная пробка сидела плотно.

Подхватив горшок с жиром левой рукой, я направилась к выходу из ледника. Впереди лежал долгий путь по техническим коридорам дворца обратно в аптекарское крыло. Освещение здесь было откровенно скудным - факелы в ржавых железных кольцах на стенах чадили черной копотью, оставляя длинные, густые тени между редкими пятнами дрожащего желтого света.

Тишину нарушало только мое собственное прерывистое дыхание и сухой шорох лаптей по выщербленным каменным плитам. Моя ошибка заключалась в том, что я все еще мыслила категориями своего прошлого мира. Отвоевав себе статус личного лекаря государя, я расслабилась, решив, что больничный иммунитет защищает меня везде. Я напрочь недооценила первобытную, звериную прагматику XVII века.

А потом мой слух, годами натренированный улавливать малейшие изменения в ритме дыхания тяжелых пациентов среди гула мониторов реанимации, зафиксировал аномалию.

Звук шел сзади, метрах в пятнадцати.

Это не был тяжелый, открытый и лязгающий шаг дворцо-

вого караула. Стражники носили сапоги с подковами и кольчуги, их поступь всегда предупреждала о приближении за десятки метров. Те звуки, которые я сейчас слышала, были иными. Мягкий, почти невесомый, синхронный шорох мягких кожаных подошв. Так ходят люди, которые профессионально не хотят быть услышанными. И их было как минимум двое.

Мой пульс мгновенно ускорился, но парализующей паники не последовало. Только холодная, расчетливая оценка ситуации. Я не стала оборачиваться, не ускорила шаг и тем более не закричала. Кричать в этих подземельях с метрово-толстыми каменными стенами - пустая трата кислорода. Меня банально вели в слепую зону.

Я чуть замедлила шаг, слегка ссутулив плечи, всем своим видом демонстрируя усталую, покорную женщину, которой тяжело нести поклажу. Одновременно с этим моя свободная правая рука медленно, контролируя каждое микродвижение, скользнула в глубокий карман фартука. Тонкие пальцы плотно обхватили горлышко стеклянного флакона. Тяжелый княжеский перстень на моем большом пальце глухо, едва слышно звякнул о стекло.

Впереди коридор делал резкий изгиб. Как только я пересекла границу света от последнего факела и шагнула в густую непроницаемую тень, двое мужчин бесшумно отделились от боковых ниш, отрезая мне путь вперед. Те, кто шел сзади, были лишь загоняющими.

В полумраке я успела разглядеть их с пугающей, адрена-линовой четкостью. Никаких карикатурных злодейских ухмылок или долгих театральных речей. Это были наемные мясники с городского дна, купленные для грязной работы. У того, что стоял слева, в опущенной руке тускло блеснуло широкое лезвие короткого ножа для забоя скота. Второй деловито наматывал на кисти рук толстую сыромятную удавку. Их задача читалась абсолютно ясно - сломать гортань или перерезать сонную артерию, не оставив лишнего шума, а тело сбросить в один из заброшенных резервуаров.

Они сделали синхронный, резкий рывок ко мне. Времени на раздумья или попытки убежать у меня не было - тяжелый подол длинного платья мгновенно сковал бы ноги, а дыхалка Серафимы закончилась бы на десятом метре спринта. Пришлось использовать чистую физику и врачебные рефлексy.

Я резко разжала пальцы левой руки.

Тяжелый глиняный горшок с грохотом рухнул на каменный пол прямо под ноги нападающим. Глина разлетелась на острые осколки, а скользкие, мыльные куски застывшего барсучьего жира брызнули во все стороны, покрывая камни предательской смазкой.

Мужчина с удавкой инстинктивно дернулся вперед, его нога поехала по жирной массе, и он на долю секунды потерял равновесие, замахав руками. Этого микроскопического окна времени мне хватило.

Моя правая рука взметнулась из кармана. Я поднесла фла-

кон к лицу, намертво вцепилась зубами в тугую кожаную пробку и с силой рванула сосуд вниз. Кожа скрипнула и выскочила из горлышка, обжигая губы каплей спирта.

Первый наемник с ножом уже нависал надо мной. Я чувствовала густой, кислый запах лука и немытого тела от его суконной одежды. Сделав короткий выпад вперед, я широким, веерным движением выплеснула половину содержимого флакона прямо ему в лицо, метя в зону от переносицы до подбородка. Остатки концентрированной жидкости достались второму, пытающемуся удержаться на скользких камнях.

Девяностоградусный этиловый спирт, предельно насыщенный капсаицином, ударил в их открытые слизистые оболочки.

Это была не магия и не боевое искусство. Это была безжалостная, неотвратимая органическая химия. Капсаицин мгновенно связывается с ванилоидными рецепторами на нервных окончаниях слизистых. Человеческий организм физиологически воспринимает этот химический контакт как прямой термический ожог открытым пламенем, посылая в мозг сигнал о разрушении тканей.

Мужчина с ножом не просто остановился. У него развился жесточайший, неконтролируемый блефароспазм - глазные мышцы судорожно, намертво сомкнули веки, пытаясь защитить выжженную роговницу. Он распахнул рот, чтобы закричать, но мелкодисперсные пары спирта и перечной взве-

си ударили в гортань при глубоком вдохе. Голосовые связки мгновенно спазмировались. Вместо крика из его горла вырвался жуткий, сдавленный булькающий хрип. Он выронил нож, схватился обеими руками за лицо и рухнул на колени, остервенело раздирая собственную кожу грязными ногтями в попытке снять невидимый огонь.

Второй нападающий рухнул рядом, катаясь по каменным плитам и издавая тонкий, скулящий вой. Его неконтролируемо рвало прямо на собственный кафтан от невыносимого болевого шока.

Я отступила на три шага назад, до боли вжавшись лопатками в ледяную шершавую стену.

Адреналиновая блокада, державшая меня последние десять секунд, рухнула. Желудок свело мучительной судорогой, колени предательски задрожали, грозя подогнуться. Мои сухие, сожженные недавней стиркой с щелоком кисти рук тряслись так сильно, что я едва могла удержать пустой стеклянный флакончик. Воздух вокруг наполнился едким, режущим горло запахом сивухи и жгучего перца. Я сама судорожно закашлялась, прикрывая нос и рот рукавом платья и пытаюсь дышать по квадрату, чтобы не скатиться в новый приступ паники.

Где-то в конце анфилады послышался быстрый топот множества тяжелых сапог и лязганье стали. Отчаянный, захлебывающийся вой ослепших наемников разнесся по пустующим подземельям идеальной сигнальной сиреной.

Из-за поворота вылетел дежурный караул Сысского приказа. Факелы в руках стражников выхватили из темноты безумную, совершенно непонятную им картину. Дюжие гвардейцы с обнаженными мечами замерли на месте, ожидая увидеть лужи крови и расчлененные тела, но вместо этого обнаружили двух здоровых мужиков, рыдающих на полу в луже барсучьего жира, и меня, тяжело дышащую у стены.

Толпа стражников расступилась. Вперед шагнул Гавриил Казаков.

Глава сыска был без своего привычного строгого кафтана, в одной льняной рубаше, поверх которой был наскоро наброшен широкий кожаный ремень с тяжелыми ножами. Он явно лично патрулировал этот удаленный сектор после начала моих политических тренировок с боярами. Гавриил бросил короткий, цепкий взгляд на корчащихся убийц, затем на разбитый горшок.

Его ноздри хищно раздулись, втягивая едкий химический запах. Он присел на корточки, не обращая внимания на кричащего наемника, прикоснулся пальцем в черной перчатке к красноватой лужице на полу и поднес к лицу.

- Обыскать их. Если ослепли - тащите в пыточную волоком, - отрывисто бросил он страже, поднимаясь и не отрывая от меня своего темного, пронзительного взгляда.

Казаков подошел вплотную. В его глазах читалась сложная смесь мрачного профессионального уважения дознавателя и нескрываемой тревоги. Он безошибочно считал ситу-

ацию: я снова нейтрализовала угрозу, используя свой недоступный местному пониманию интеллект, но при этом находилась на грани физического срыва.

- Кажется, Тихон Лямзин окончательно потерял терпение, - тихо, чтобы не слышала охрана, произнес Гавриил, глядя на пустой флакон в моей дрожащей руке. - Он перешел от ядовитых сплетен в боярских теремах к прямой покупке ножей. Это самое городское дно. Мрази, которые за медяк перережут горло собственной матери.

- Роговица у них восстановится через пару недель, если не занесут инфекцию грязными ногтями, - машинально, с профессиональной отстраненностью констатировала я, хотя мой голос прозвучал сипло. Я сглотнула вязкую слюну, пытаюсь унять тремор.

Гавриил усмехнулся краешком губ, но улыбка вышла жесткой, почти волчьей.

- Они не доживут до следующей недели. Я лично выпотрошу из них имя заказчика, даже если мне придется сдирать с них кожу полосами. Тебе нужен вооруженный конвой до аптеки, знахарка.

- Мне нужно другое, - я подняла глаза на Казакова, окончательно выравнивая сбившееся дыхание. Пряча пустой стеклянный пузырек обратно в карман, я механически отпихнула носком лаптя тускло блестящий на камнях брошенный нож убийцы. - Передай государю Всеволоду, что мне необходима встреча. Срочно.

Глава сыска чуть прищурился, оценивая мою категоричность, но спорить не стал. Он прекрасно понимал, что ставки в этой дворцовой партии только что взлетели до небес.

Стража уволокла скулящих наемников, оставив в коридоре лишь запах перечного концентрата и раздавленный животный жир.

Сегодня медицинская наука спасла мне жизнь. Моя органика сработала безупречно, нейтрализовав грубую сталь. Но флакончик в моем кармане был пуст. Я понимала одну непреложную, вымороженную истину: против тяжелой политической машины старого боярства химические экстракты бессильны. Лямзин не остановится. Если в следующий раз он пришлет стрелков с арбалетами, никакие знания анатомии мне не помогут.

Мне был нужен щит совершенно иной прочности. Щит, который мог предоставить только один человек в этом жестокom княжестве. И я собиралась потребовать его прямо сейчас.

Глава 12. Карта империи

Мышечный тремор после массивного выброса адреналина невозможно подавить простым волевым усилием. Период его полураспада в крови занимает минуты, но вегетативная нервная система будет звенеть, как натянутая струна, еще пару часов. Это голая физиология, с которой бесполезно спорить.

Я стояла над медным тазом в своей лаборатории и остеревенело, до красноты оттирала руки едким дегтярным мылом. Вода давно стала ледяной, но я не чувствовала холода. Мне нужно было немедленно смыть с кожи въевшийся запах концентрированного жгучего перца, сивушного спирта и кислый душок чужого пота, оставшийся на моей одежде после недавней стычки в темном коридоре.

Государь Всеволод находился здесь же. Он вошел в Аптекарский приказ почти сразу за мной, отдав Гавриилу короткий приказ уволочь ослепших наемников в пыточную, а своей личной страже - остаться за закрытыми дубовыми дверями. На князе был надет суровый темный суконный кафтан, перехваченный широким кожаным поясом с коротким клинком в ножнах. Никакой бархатной роскоши - так выглядит человек, привыкший к ночным докладам сыска и жестким решениям.

Он молчал. Не задавал идиотских вопросов о моем само-

чувствии, не пытался налить мне успокаивающего отвара и не причитал о чудесном спасении. Власть приучила его оценивать людей исключительно по тому, как они справляются с последствиями катастроф. И сейчас он просто смотрел, как я методично возвращаю себе контроль над собственной нервной системой.

Наконец я бросила темный обмылок в воду. Взяла грубое холщовое полотенце, насухо вытерла саднящие, потрескавшиеся пальцы и повернулась к правителю.

- Стража сыскного приказа только что при мне обыскала этих мясников в коридоре, - мой голос прозвучал сухо и ровно, хотя в гортани все еще першило от перечной взвеси. - И я сильно сомневаюсь, что старые казначейские монеты в их карманах - это случайность. Если вы отлично знаете, что за этим покушением стоит Тихон Лямзин, почему его голова до сих пор не лежит на плахе? Почему ваш личный лекарь вынужден отбиваться от ножей в подворотнях химическими экстрактами?

В моем прошлом мире за подобную дерзость меня бы просто уволили с волчьим билетом. В этом дремучем веке - могли запросто вздернуть на дыбе. Но Всеволод не повысил голоса и не схватился за рукоять клинка. Он сделал несколько уверенных шагов к моему рабочему столу, бесцеремонно сдвинул в сторону ступки с сухими корнями и достал из-за пазухи свернутый в тугую трубку кусок плотной, хорошо выделанной телячьей кожи.

Князь развернул свиток на выскобленных досках. В тусклом, дрожащем свете сальных свечей я увидела подробную, мастерски отрисованную карту Белогорского княжества с изгибами рек, крепостями и торговыми трактами.

- Подойди, - коротко велел он.

Я сделала шаг вперед, оказываясь вплотную к столу. От Всеволода привычно пахло морозным сквозняком, качественным оружейным маслом и крепким табаком.

- Вот здесь, далеко на севере, находятся крупнейшие соляные копи, - его мозолистый палец опустился на изрезанный край карты. - Соль - это мясо, вяленая рыба и базовое выживание моей армии суровой зимой. А вот здесь проходит главный пушной тракт. Обе эти экономические артерии монопольно держат люди из клана Лямзиных. Тихон - не просто завистливый старик, взбешенный тем, что ты испортила лицо его жене и публично отчитала его самого. Он - кошелек и политический голос трех богатейших боярских родов.

Всеволод медленно поднял на меня потемневшие от хронического недосыпа глаза. В них читался холодный, препарирующий ум блестящего стратега, а не обиженного самодура.

- Если я прикажу рубить ему голову сегодня ночью только потому, что двое грязных наемников с городского дна в пыточной Казакова указали на его серебро... завтра утром Боярская дума в полном составе откажется утверждать новые торговые пошлины. Северные тракты мгновенно встанут. В

казну перестанут поступать налоги, и мне банально нечем будет платить гарнизонам на границах. Начнется масштабный вооруженный мятеж. Твоя смерть, знахарка, стала бы для бояр отличным, безопасным способом проверить меня на прочность. Но моя открытая месть без железобетонных доказательств погубит все государство.

Его логика была безупречной. Хирургически точной и беспощадной. Моя жизнь на чашах политических весов весила не больше капли спирта, но он пытался удержать равновесие всей огромной системы.

Всеволод небрежно свернул карту, отложил ее в сторону и повернулся ко мне всем корпусом. Воздух в тесной палате словно уплотнился. Он нарушил субординацию расстояния, оказавшись так близко, что я могла разглядеть тонкий белый шрам у основания его челюсти.

- А теперь пришла моя очередь задавать вопросы, - голос государя упал до низкого, вибрирующего баритона. - Забитая крестьянка не делает жидкий огонь в стеклянных колбах. Деревенская баба не знает анатомию человеческой гортани и расположение нервных узлов лучше моих обученных палачей. И она уж точно не смотрит на правителя так, словно перед ней равный человек.

Он чуть склонил голову, не отрывая тяжелого взгляда от моего лица.

- Кто ты такая, Серафима? Я не могу и не стану защищать спину тому, кто прячет от меня свое подлинное нутро.

Я должен ясно понимать, какую именно переменную впустил в свой механизм.

Мой мозг диагноста мгновенно оценил риски. Рассказать ему про двадцать первый век, про антибиотики, кардиомониторы и электричество? В его реальности это прямой диагноз тяжелой шизофрении или демонической одержимости. Верный путь на костер. Но солгать ему сейчас означало навсегда разрушить тот хрупкий, взрослый союз, который только-только наметился между нами.

Я выбрала психологическую правду. Единственную, которая имела значение для выживания.

- Женщина по имени Серафима умерла от первобытного ужаса в вашем ледяном подземелье в ту ночь, когда вы приговорили ее к казни, - сухо, без единой капли театрального надрыва ответила я. - Я - то, что заняло ее место, чтобы выжить.

Я смотрела прямо в его темные зрачки, не позволяя себе отвести взгляд.

- В своей прошлой жизни я была лекарем. Очень хорошим, системным лекарем. Но я потеряла все. Свой дом, свой мир и своего единственного ребенка, потому что однажды просто не смогла вовремя распознать симптомы и обмануть смерть. Моя прежняя семья разрушилась, и я годами добровольно превращала себя в медицинскую машину, чтобы не сойти с ума от пожирающего чувства вины.

Слова давались тяжело, словно я глотала сухой песок, но

я заставила себя продолжить.

- В этом мире я больше не буду жертвой, государь. Мне совершенно не нужен ваш трон, чужие боярские интриги или казначейское золото. Мне нужно лишь одно: право лечить людей так, как я умею, используя свои знания физиологии. И гарантия того, что мне больше не придется ждать удара ножом из темной ниши.

В палате повисла густая тишина. Слышно было только, как с тихим треском прогорают березовые дрова в раскаленной печи да завывает ветер за слюдяным окном.

Всеволод изучал мое лицо долгие несколько секунд. Его суровому уму не нужна была мистика или сказки о переселении душ. Он услышал главное - понятную, выжженную боль потери и стальную, непоколебимую волю к созиданию. Он понял, что я не иноземная шпионка и не подосланная политиками убийца. Я просто сломанный, но невероятно функциональный инструмент, который осознанно выбрал служить ему.

Медленно, почти нехотя, князь поднял руку. Его тяжелая ладонь легла на мое плечо. В этом скупом жесте не было ни грамма пошлого заигрывания или монаршего снисхождения. Это была тяжесть воинского пакта. Прямое признание ценности союзника.

- С завтрашнего утра у дверей твоей аптеки будут круглосуточно стоять четверо глухонемых гвардейцев из личного состава Казакова, - ровно произнес Всеволод, убирая руку. -

Они подчиняются исключительно моим приказам и не умеют читать по губам. Твоя лаборатория станет крепостью. Тихону до тебя не добраться.

Я коротко кивнула, принимая предложенные условия игры.

- Почему казначей так торопился устранить меня? - спросила я, возвращаясь к холодной аналитике. - Зачем рисковать таким грубым покушением именно сейчас?

- Потому что завтра к полудню во дворец прибывает крупное посольство из-за южного моря, - Всеволод отступил на шаг, привычно поправляя пояс. В его голосе зазвучал металл официальных решений. - Они везут важнейшие верительные грамоты, от которых зависит открытие новых портов и прямых договоров в обход таможен старого боярства. Лямзин хотел посеять панику и доказать им, что я не контролирую даже собственную прислугу.

Князь подошел к двери, но у самого порога обернулся. В неровном свете факела из коридора его профиль казался хищным.

- Завтра я должен продемонстрировать иноземцам непоколебимую монолитность своей власти и железное здоровье своей семьи. Мой брат Ярополк будет присутствовать на приеме. И ты, знахарка, тоже будешь стоять в тронном зале позади моего кресла. Пусть все видят, кто хранит мою жизнь. Подбери себе одежду, которая не выглядит как половая тряпка.

Массивная дверь за ним закрылась с отсекающим стуком. Я осталась одна в пропахшей лекарствами палате. Политический щит, о котором я просила, был успешно получен.

Но, стягивая через голову жесткий, испачканный фартук, я не испытывала ожидаемого облегчения. Интуиция врача, редко дающая сбои, настойчиво шептала, что завтрашние заморские гости привезут с собой не только торговые соглашения. Аккуратно сложив холстину на край стола, я мысленно готовилась к приему. Моя смена в этом суровом веке только начинала набирать обороты.

Глава 13. Нулевой пациент

В моем родном мире скопление двух сотен человек в непроветриваемом помещении в сезон простуд называли бы банальным эпидемиологическим преступлением. Здесь это высокопарно именовалось большой дипломатией.

Я шла по гулким, выстуженным ледяными сквозняками каменным коридорам дворца, сопровождаемая мерным, почти неслышным шагом. За моей спиной неотступно следовали четверо рослых гвардейцев из личного состава Гавриила Казакова. Как и обещал государь Всеволод после вчерашнего покушения, они были полностью глухонемыми. Идеальный, безупречный конвой, который физически не умеет читать по губам, не пугается чужих проклятий, не передает сплетни кухаркам и подчиняется только прямому, однозначному жесту правителя.

Казенное платье, доставленное мне на рассвете по приказу государя, не имело ничего общего с удушливой роскошью боярских теремов. Это был глухой, невероятно тяжелый панцирь из плотной темно-зеленой шерсти. Жесткий ворот наглухо закрывал ключицы, скрывая следы въевшейся грязи прошлых недель, а сама ткань ощутимо давила на ребра, заставляя дышать чуть поверхностнее, чем обычно. Центр тяжести моего нового тела сместился, тяжелый подол путался под ногами, закрывая грубые, но добротные кожаные баш-

маки, которые наконец-то сменили мои истертые лапти. Но я не жаловалась на неудобства. Этот наряд был не украшением, а четким социальным маркером моей неприкасаемости. Никто больше не посмеет назвать меня дворовой девкой.

Моя правая рука привычно покоилась в глубоком кармане шерстяной юбки. Там не было ни ядов, ни засушенных куриных лапок для отпугивания порчи. Только базовый врачебный минимум, без которого я категорически отказывалась выходить из своей выскобленной щелочком лаборатории: чистый льняной платок, свежий стеклянный пузырек, который я утром заново наполнила чистым этанолом вместо вылитого на наемников перцового концентрата, и серебряный хирургический пинцет. Большой палец методично, успокаивающе поглаживал прохладный металл массивного княжеского перстня с вырезанным гербом. Мой единственный политический щит в этом диком средневековье.

Высокие дубовые створки главного зала приемов распахнулись передо мной, впуская в густую, удушливую, плотную атмосферу.

Воздух здесь можно было резать тупым ланцетом. Кислород стремительно, безжалостно выжигался сотнями чадающих сальных и восковых свечей, расставленных в тяжелых напольных кованых шандалах. Никакой принудительной вентиляции архитектура замка не предусматривала в принципе - узкие окна под самым потолком были наглухо заделаны слюдой и воском для сохранения тепла. Резкий, кон-

центрированный запах звериного мускуса, церковного лада-на и тяжелого розового масла мерзкой, сладковатой пленкой оседал на корне языка. Так местная аристократия пыталась неумело замаскировать естественный душок немытых тел, запертых в многослойные суконные, парчовые и бархатные одежды.

Я тихо прошла вдоль холодной каменной стены и заняла отведенное мне место - в густой, спасительной тени, в нескольких шагах позади массивного резного кресла государя. Отсюда открывался великолепный панорамный обзор на всю экосистему двора.

Всеволод выглядел несокрушимым гранитно-серым монолитом. Ни единого следа недавних ночных мышечных спазмов, ни тени слабости на резком, словно высеченном топором лице. На нем был парадный, но предельно строгий темный кафтан с серебряным шитьем, перехваченный широким кожаным поясом, на котором покоились ножны. Он сидел совершенно прямо, не опираясь на высокую спинку, словно натянутая боевая тетива. Князь не играл во всесильного тирана перед своей свитой, он просто выполнял свою изматывающую работу правителя, удерживая этот нестабильный, готовый сорваться в хаос мир на своих плечах.

Чуть поодаль, сливаясь с тенями у массивных опорных колонн, замер Гавриил Казаков. Его темный, цепкий взгляд ищейки непрерывно, методично сканировал пеструю толпу бояр. Глава тайного сыска выискивал малейший намек на

скрытое под полами кафтанов оружие или неестественное, нервное поведение после вчерашнего провального покушения в подземельях.

Мой собственный взгляд клинического диагноста скользнул по первым рядам придворной элиты. Тихон Лямзин стоял в самом центре, гордо выпятив грудь в синем бархате, но его глаза, стоило им на секунду пересечься с моими, полыхнули такой концентрированной, неприкрытой первобытной ненавистью, что мне захотелось проверить толщину стекла моего флакончика со спиртом. Влиятельный казначей проиграл вчерашний грязный раунд с наемниками, но мириться со своим поражением от рук безродной знахарки явно не собирался.

А вот женщина, покорно стоявшая рядом с ним, заставила меня едва заметно, цинично усмехнуться. Боярыня Марфа Лямзина, непререкаемая законодательница мод и первая красавица княжеского двора, предстала перед сотнями людей с пугающе чистым, обнаженным лицом. На ее коже сегодня не было ни грамма ядовитых свинцовых белил, ни единого пятнышка ртутной красной киновари. Только землистая серость и сеть мелких морщин глубоко измученного токсинами эпидермиса. Вся Боярская дума косилась на нее с немым, откровенным удивлением, перешептываясь за спинами, но Марфа терпела, стиснув зубы. Она неукоснительно исполняла мой жесткий медицинский протокол выживания. Это зримое, молчаливое доказательство моей реальной

врачебной власти над местной неприкасаемой знатью стоило десятка самых громких политических речей.

В дальнем конце огромного зала гулко забили в пол тяжелые деревянные посохи церемониймейстеров. Створки дверей распахнулись настежь, впуская резкий морозный сквозняк, который тут же заставил пламя сотен свечей истерично заметаться, отбрасывая на стены рваные тени.

Делегация из-за южного моря входила торжественно, сохраняя выверенный дипломатический ритм. Послы в экзотических шелковых халатах, щедро расшитых диковинными птицами, суетливые переводчики с исписанными пергаментными свитками, смуглые слуги, сгибающиеся под тяжестью деревянных сундуков с дарами. Всеволод медленно, с холодным достоинством поднялся со своего кресла, приветствуя важных экономических союзников, от которых напрямую зависело открытие новых безопасных портов и торговых путей для княжества.

Окружающие меня бояре жадно вытягивали шеи, оценивая стоимость тонких заморских тканей и тусклый блеск драгоценных камней на запястьях гостей. Мой же фокус внимания моментально, на чистых, вбитых годами практики рефлексх реаниматолога, сместился с золота на человеческую физиологию.

Взгляд намертво зацепился за второго человека в дипломатической колонне. Это был высокий, грузный мужчина лет пятидесяти, крепко прижимающий к своей груди тяже-

лые кожаные тубусы с верительными грамотами. Он шел внешне ровно, стараясь держать строй, но его биомеханика отчаянно кричала о критическом, необратимом сбое системы.

Я прищурилась, мысленно отсекая визуальный шум тронного зала, блеск парчи и гул голосов.

Лицо посла нездорово блестело. Это была не естественная испарина от резкого перехода с морозного двора в душное, натопленное помещение. Это был проливной, патологический гипергидроз - верный клинический маркер того, что организм пациента прямо сейчас проходит через температурный пик, отчаянно пытаясь сбросить запредельный, сжигающий внутренние органы жар. Костяшки смуглых пальцев, сжимающих посольские тубусы, мелко, ритмично подрагивали от нарастающей мышечной слабости.

Он дышал так, словно его грудную клетку туго стянули железным корсетом. Поверхностно, слишком часто, с едва уловимым, но характерным сипящим звуком на вдохе. Каждые несколько шагов мужчина судорожно, болезненно сглатывал, пытаясь подавить рвущийся изнутри сухой, лающий кашель. Его глаза слезились и постоянно шурились даже от тусклого, рассеянного света свечей - выраженный катаральный конъюнктивит и светобоязнь.

Но самым страшным диагнозом было вовсе не его дыхание.

Чуть выше жесткого, расшитого золотыми нитями воро-

та шелкового камзола, прямо на воспаленной коже шеи, отчетливо проступала сыпь. Мелкие, багрово-красные пятна, сливающиеся в сплошную, бугристую эритематозную корку. Она упрямо ползла вверх, за уши, к линии роста темных волос. Классическая, хрестоматийная макулопапулезная сыпь. Патогномоничный симптом, который ни один инфекционист в здравом уме не сможет перепутать ни с чем другим.

Мозг клинического фармаколога сработал со скоростью падающей гильотины, безжалостно выдавая сухой, не подлежащий обжалованию вердикт. Корь. Или сверхагрессивный, стремительно мутировавший штамм гриппа, уже отягощенный двусторонней бактериальной пневмонией.

По моей спине прокатилась ледяная, колючая волна первобытного ужаса, напрочь вымывая из головы все мысли о дворцовых интригах, казначеях и кинжалах в темноте.

Я находилась внутри закрытой биологической экосистемы. В популяции людей, которая веками жила в изоляции на своих холодных северных территориях, варясь в собственных привычных бактериях. В этом диком, застрявшем во времени княжестве не существовало понятия антител, вакцин или карантинных. Здесь не было коллективного иммунитета к этому вирусу. В эпидемиологии подобный сценарий называется эффектом девственной почвы, и он всегда заканчивается массовыми братскими могилами. И прямо сейчас в этот тронный зал, до отказа набитый политической и воен-

ной знатью, вошел нулевой пациент. С каждым своим прерывистым, сипящим выдохом он выделял в спертый, неvented, лируемый воздух миллиарды невидимых смертоносных частиц.

Дипломатическая колонна остановилась ровно в пяти шагах от кресла государя. Главный посол откашлялся и начал произносить цветистую, пафосную приветственную речь на ломаном русском языке, но я не слышала ни единого произнесенного им слова. В ушах глухо и ритмично шумел ток моей собственной разогнавшейся крови.

Больной мужчина с тубусами сделал неверный, шатающийся шаг вперед, чтобы лично, из рук в руки передать верительные грамоты Всеволоду.

Я инстинктивно, забыв про свое место в тени, рванулась из-за высокой спинки резного кресла. Моя рука уже лихорадочно тащила из кармана чистый платок. Я открыла рот, чтобы сбить все мыслимые вековые протоколы, наплевать на дипломатию и рывкнуть жесткий приказ остановиться, но вирус оказался в разы быстрее моей реакции.

Организм посла окончательно сдался под тяжелейшей, несовместимой с жизнью инфекционной интоксикацией.

Мужчина замер на полушаге, словно наткнувшись на невидимую стену. Его массивное тело выгнулось дугой, пораженное жесткой, сокрушительной мышечной судорогой. Кожаные тубусы с драгоценными грамотами выскользнули из ослабевших пальцев и с глухим стуком покатались по

ковру. Иноземец широко распахнул рот, судорожно хватая отравленный воздух, и внезапно зашелся в страшном, клоко-чушем, разрывающем гортань кашле. Звук был таким плотным и влажным, словно внутри его грудной клетки прямо сейчас рвали на куски мокрую парусину.

Вместе со свистящим воздухом изо рта посла вырвался густой, пульсирующий фонтан алой, мелко вспененной жидкости. Разрушение альвеол и обширное капиллярное кровотечение в легких. Горячие кровавые брызги веером осели на бесценный сафьяновый ковер, оставляя на ткани жуткие, стремительно темнеющие кляксы. Мужчина закатил глаза, демонстрируя желтоватые белки, и, подкошенный болевым шоком, начал тяжело заваливаться прямо на спину.

В тронном зале раздался слаженный, многоголосый крик панического ужаса. Одетые в бархат и золото бояре с визгом шарахнулись в стороны, сминая друг друга, ломая строй и давя упавших, словно стадо испуганных овец перед волком.

Но Всеволод не был трусливым царедворцем. Он был закаленным в боях воином и полноправным хозяином этой земли, привыкшим брать ответственность за тех, кто стоит прямо перед ним. Движимый вбитым намертво рефлексом физической защиты, государь не отступил назад. Он сделал стремительный, мощный рывок навстречу падающему замертво гостю.

- Стоять! - мой сорванный, хриплый крик утонул в поднявшемся вокруг безумном гвалте.

Всеволод успел. Он перехватил тяжелое, бьющееся в последних конвульсиях тело своими голыми руками, не дав его голове с размаху разбиться о каменные плиты под ковром. Князь тяжело опустился на одно колено, жестко прижимая задыхающегося, харкающего зараженной кровью мужчину прямо к своей широкой груди, пачкая дорогое сукно парадного кафтана.

Лицо государя находилось в двадцати сантиметрах от окровавленных губ нулевого пациента.

Я замерла как вкопанная, чувствуя, как внутри меня с противным звоном обрывается последняя натянутая струна. Никакие яды подкупленных наемников Лямзина, никакие отравленные стрелы из-за угла или заточенные кинжалы в темных подземельях не могли сравниться с неотвратимой, сокрушительной эффективностью этой биологической бомбы. Правитель, единственный стержень этого раздираемого боярскими интригами государства и мой личный гарант выживания, только что принял на себя колоссальную, неперевариваемую местной медициной вирусную нагрузку прямо в открытые дыхательные пути.

- Стража! Лекаря сюда немедленно! - рявкнул Всеволод. Он с трудом удерживал бьющегося в агонии посла, не обращая внимания на кровь, и поднял на меня свой потемневший, требующий немедленных действий взгляд.

- Никому не двигаться с места, - процедила я себе под нос, выходя из тени трона на яркий свет.

Я медленно, контролируя каждое движение трясущихся пальцев, поднесла ко рту и носу спасительный льняной платок, до одури пахнувший чистым спиртом. Отсчет до полного краха империи только что перешел на считанные часы.

Глава 14. Красная зона

- Запереть двери!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.